

ЦЕНТРАЛЬН. ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(КОЛ.)
А316657

В. ДЕНИСЬЕВ

**РАБОТА
С БЕЛЛЕТРИСТИКОЙ
В ПЕРЕДВИЖНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС

МОСКВА 1931

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ДЛЯ БИБЛИОТЕЧНОГО АКТИВА

1 СТУПЕНЬ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Заочные курсы для библиотечного актива являются первой ступенью библиотечного образования. Для прохождения этих курсов достаточно наличие общего образования или самообразования в пределах школы I ступени. Курсы рассчитаны на 10 мес. обучения и предназначены для подготовки передвижников, книгонош, членов библиотечных бригад и групп, друзей библиотеки, культармейцев и проч.

Для приема на курсы необходимо подать заявление-анкету с указанием следующих сведений:

1. Фамилия, имя, отчество. 2. Пол. 3. Возраст. 4. Социальное положение. 5. Партийность. 6. Член какого профсоюза. 7. Занимаемая должность. 8. Общее образование. 9. Политобразование. 10. Какую работу несет в б-ке: 11. Общественная нагрузка.

Анкета должна быть заверена соответствующей организацией (фабзавкомом, месткомом и т. п.)

Плата за обучение взимается в размере 12 руб. за весь курс.

Заочные курсы для библиотечного актива были организованы в 1930 г. Культотделом ВЦСПС, которым были выпущены 3 первые выпуска этих курсов.

В ноябре 1930 года курсы перешли в ведение Центрального Института заочного педагогического образования (Москва, ГСП 1, Никольская, 11).

Учебные материалы курсов состоят из 10 вып. след. содержания:

- Вып. I **Гаусман, А.** — Задачи профсоюзов, культурная пятилетка и роль библиотеки в ней. 24 стр. 40 к.
- Вып. II. **Петровский, Вл.** — Техника передвижной библиотеки. 56 стр. 40 коп.
- Вып. III. **Сабанеев.** — Массовая работа передвижной библиотеки. 21¹/₄ п. л.
- Вып. IV. **Васильченко.** — Работа с общественно-политической литературой в передвижной библиотеке 4 п. л.
- Вып. V. **Вальдгард и Тарараев.** — Естественно-научная и антирелигиозная книга в передвижной библиотеке. 4 п. л.
- Вып. VI. **Крисп, Сахаров и Эстеркин.** — Работа с производственной литературой в передвижной библиотеке. 4 п. л.
- Вып. VII. **Денисьев.** — Работа с беллетристикой в передвижной библиотеке. 4 п. л.
- Вып. VIII. **Виноградова.** — Библиотека в помощь ликвидации неграмотности. 2 п. л.
- Вып. IX. **Агеева.** — Работа фабрично-заводского передвижника в деревне. 2 п. л.
- Вып. X. **Сборник.** — Общие вопросы изучения книги, комплектования и руководство чтением. 3 п. л.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ БИВАКТИВА. Вып. VII.

В. ДЕНИСЬЕВ

РАБОТА С БЕЛЛЕТРИСТИКОЙ
В
ПЕРЕДВИЖНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

A 316657 (кор)

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА.

1931

Мосгублит № 5.634.

Заказ № 91.

Тираж 5.000.

Тип. Изд-ва ВПСНС. Москва, Крутицкий Вал, 19.

5-РА-Бе-де-31

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящего урока заключается в том, чтобы показать передвижнику и читателю-активисту, как правильно работать с беллетристикой, извлекая из нее все, что она может дать в соответствии с целями культурно-политической работы, отстраняя все то, что может оказаться вредным или ненужным для интересов культурной революции. Вопрос этот сложен и труден; для того, чтобы рассмотреть его в целом, потребовалось в отдельных частях допустить известное упрощение.

Поэтому настоящий урок следует рассматривать как введение, требующее дальнейшей, более углубленной проработки затронутых в нем вопросов в порядке самообразования.

Автор

ГЛАВА I

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О БЕЛЛЕТРИСТИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ЧИТАТЕЛЯ

Чем отличается беллетристика от научной литературы

При технической работе в библиотеке, при выдаче книг читателю, при пропаганде книг, почти во всей библиотечной работе мы сталкиваемся с двумя родами книг: с научной литературой и художественной, которую иначе называем беллетристикой.

Что же такое беллетристика и чем она отличается от научной литературы?

На этот вопрос обычно отвечают: беллетристика — это романы, рассказы, повести, стихи, пьесы, песни. Это совершенно верно. Если на книге имеется такой подзаголовок, то мы можем смело отнести ее к беллетристике. Но такого определения беллетристики недостаточно. Перед нами опять встает вопрос: чем же эти романы, повести, рассказы и т. д. (т.-е. в общем — беллетристика) отличаются от научных книг? Следовательно, нужно рассмотреть этот вопрос более глубоко.

У многих, когда они говорят о беллетристике, возникает представление о чем-то сочиненном, выдуманном, прикрашенном — в противоположность точному и строгому изложению и объяснению фактов, которое встречается в научных книгах. Иногда мы слышим презрительное выражение: «это все беллетристика», в смысле — «это, мол, все — выдумка, сказки» или — «ты беллетристики не разводи, ближе к делу» и т. п.

Такое презрительное отношение к беллетристике нельзя признать правильным.

Беллетристика дает нам богатый фактический материал. Например, прочитав книгу Уолтера Уайта «Огонь из кремня», мы многое узнаем о положении негров в Америке; прочитав роман Сытина «Пастух племен», мы ознакомимся с социальным строем и бытом киргизов. Беллетристика часто дает объяснение, истолкование, понимание тех или иных фактов. Например, романы Панферова («Бруски») и Горбунова («Ледолом») разоблачают политику кулаков: как они подчиняют себе бедняков и середняков, как

кулаки, несмотря на ограничения в правах, захватывают власть в свои руки через «подкулачников», как кулаки вводят в заблуждение представителей центральных организаций. Словом, по прочтении этих романов для нас станет понятной — иногда непонятная на первый взгляд — возможность кулацкого засилья при советской власти. Также станут для нас ясными меры борьбы с кулачеством, проводимые партией и советской властью, — ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Отсюда видно, что беллетристика не только воспроизводит и объясняет жизнь, но и призывает к изменению ее, способствует переделке ее. Это подтверждается также тем, что многие революционеры свое критическое отношение к старому строю, свою ненависть к нему почерпнули сначала из художественной литературы, а потом уже обосновали чтением научных книг. Такие книги, как «Овод» Войнич, или «Спартак» Джованниоли, несмотря на их многие недостатки, имели большое революционное влияние на читателей дореволюционного времени. Такая книга, как «Воскресение» Льва Толстого, несмотря на большие ошибки писателя, многим раскрыла глаза на нелепость церковных обрядов, на бессмысленность и лицемерие буржуазно-помещичьего суда и пр.

Таким образом, беллетристика — это не пустая выдумка. Беллетристика воспроизводит, т.-е. изображает, жизнь, объясняет ее и способствует ее изменению, приближаясь тем самым к науке.

Однако есть между художественными и научными произведениями весьма существенные различия. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса (излагаемого обычно в курсах и учебниках литературы), мы коснемся только основного признака художественной литературы. Этот основной признак называется образностью и заключается в том, что писатель изображает какой-либо предмет или переживания какого-либо героя или выражает какую-нибудь мысль не путем простого пересказа, не в точных и сухих выражениях, а путем сравнений и образов, уподоблений одного предмета другому, одного явления другому. Поясним этот признак — образность — примерами.

Мы знаем, что имя Ленина стало знаменем международной пролетарской революции, что по его произведениям пролетариат всех стран учится революционной борьбе, что партия идет неуклонно по ленинскому пути с той же настойчивостью и упорством, с каким вел ее Ленин. Эти мысли Маяковский выразил в следующих образах:

Разве молнии велишь
— не литься?

Нет!

Не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраничный

Грохотать

Набатный

Ленинский язык

Разве гром бывает немостою болен?
Разве сдержишь смерч, —   чтоб вихрем не кипел?!
Нет!

Не ослабевает Ленинская воля
В миллионносыльной воле РКП.
Разве жар   такой
                                 термометрами меряется?

Разве пульс   такой
                                 секундами гудит?!
Вечно будет Ленинское сердце
Клокотать   у Революции в груди!

(„Бюллетень“)

Так в целом ряде образов Маяковский охарактеризовал роль Ленина как вождя («Вечно будет Ленинское сердце клокотать у Революции в груди») и учителя пролетарской революции («Вечно будет тысячестраничный грохотать набатный Ленинский язык») и как руководителя ВКП(б) («Не ослабевает Ленинская воля в миллионносыльной воле РКП»).

Приведем еще несколько примеров.

Комсомольский поэт Жаров, описывая наступление весны, так изображает роль солнца:

Я — делегат небесной рати
И от весеннего ЦЕКА.
Я, солнце — нынче председатель
И на земле и в облаках.

(„Ледоход“)

Поэт-общественник, привыкший на все смотреть с точки зрения общественной работы, к природе подходит как к общественной организации, находит в ней весенний ЦК, роль солнца в жизни природы сравнивает с полномочиями председателя на общем собрании.

Пролетарский поэт Герасимов, привыкший к заводской обстановке, так изображает осень:

Сочатся рыжею рудой
Леса, кусты и просинь вод, —
И вся природа предо мною —
Металлургический завод.

(„Недра“ сборн. XIX, стр. 259).

Так для Герасимова вся природа представляется единым мощным индустриальным предприятием, и все ее явления он сравнивает с производственными процессами.

Поэты помещичьего класса, поэты-крестьяне, наоборот, при описании общественных явлений, при описании техники пользуются образами, взятыми из жизни природы и из деревенской обстановки.

Так, например, Есенин называет тракторы «стальной конницей».

Кольцов в известном стихотворении «Что дремучий лес, призадумался» изображает смерть Пушкина в виде гибели леса и т. д.

Отсюда — из этих последних примеров (Жаров, Герасимов, Есенин, Кольцов) — видно, что в подборе образов сказывается классовая принадлежность, классовая направленность писателя. Понятно, здесь мы эту мысль только бегло иллюстрируем примерами, подробнее о классовой стороне художественной литературы говорится дальше — во II главе данного урока.

Заметим еще, что образною речью пользуются также ученые и общественные деятели, когда они хотят особенно ясно и наглядно выразить какую-нибудь мысль.

Яркий образ, выражающий политико-экономическую мысль, дан, например, в речи тов. Яковлева на XVI Парте'езде. Здесь мы читаем: «Символом развертывающейся в сельском хозяйстве капиталистических стран технической революции может быть рядовой фермер, раздавленный тяжелым гусеничным трактором» («Колхозное движение и подъем сельского хозяйства», 12 стр.).

Слово «символ» здесь соответствует «образу».

Вытеснение и разорение мелких фермерских хозяйств крупными хозяйствами, которые могут использовать последние достижения сельскохозяйственной техники — тракторы, комбайны и пр., тов. Яковлев образно представляет в виде фермера, раздавленного трактором. Такой образ лучше всяких рассуждений дает возможность читателю или слушателю представить себе американский путь создания крупного хозяйства в земледелии.

Образность художественного произведения заключается не только в отдельных выражениях, сравнениях, определениях. Художественным образом может быть выражен самый смысл литературного произведения. Возьмем, например, «Железный поток» Серафимовича. Уже самое название выражает основную мысль произведения: революционное движение беднейших масс — это железный поток, сметающий на своем пути все преграды.

Образами являются и действующие лица подлинно художественных произведений. Так, например, Грибоедов в лице Фамусова дал нам образ крупного бюрократа дореволюционного времени («подписано — и с плеч долой»), Чехов в рассказе «Человек в футляре» дал образ мелкого чиновника-формалиста (мы так теперь и называем отгородившихся от жизни формалистов — «человек в футляре»), Безыменский в пьесе «Выстрел» дал нам образ партия-бюрократа, оторвавшегося от масс партия-чи-ника («Я верю только протоколу»).

Итак, в окончательном результате, образность, проявляющаяся в отдельных описаниях, в характеристике действующих лиц, в выражении мысли произведения, есть главный признак, отличающий художественную литературу от научной.

Поэтому художественную литературу (как и все искусство) научно определяют как образное мышление, как мышление обра-зами — в противоположность научному мышлению, мышлению понятиями.

Представление о художественной литературе будет неполным и неясным, если мы не поставим ее в связь с общественной жизнью, с классовой борьбой. Этому вопросу посвящена глава II. Однако некоторые моменты — хотя бы вкратце, в общей форме — мы должны отметить здесь, в самом начале урока.

Искусство вообще и художественная литература в частности, наравне с наукой, философией и пр., не являются оторванным от общественной жизни творчеством того или другого художника, писателя, ученого. Искусство, литература, наука — это выражение общественного сознания, это так называемые «идеологические надстройки», вырастающие на основе социально-экономической и политической жизни общества.

Поскольку мы имеем дело с обществом, разделенным на классы, постольку каждое литературное, научное, философское произведение носит классовый характер, отражает и выражает взгляды и стремления того или иного общественного класса (или группы класса), например, крупной буржуазии, пролетариата, дворянства, мелкой буржуазии и т. д.

Наконец, поскольку история общества есть история борьбы классов, постольку все проявления того или другого класса, в том числе искусство, литература, наука, преследуют цели укрепления, поддержания господства данного класса.

Поэтому литература «является одним из орудий данного класса в его борьбе с другими классами»¹).

Таковы социальное происхождение и социальная роль художественной литературы.

Влияние беллетристики на читателя

Итак, художественная литература есть средство классового влияния и с этой точки зрения надо прежде всего рассматривать влияние беллетристической книги на читателя.

Однако поскольку художественная литература отличается от научной своей образностью, постольку влияние художественной литературы на читателя распространяется иными путями, достигается иными средствами.

Ученый старается убедить читателя фактами, цифрами, рассуждениями, доводами и обращается прежде всего к уму, здравому смыслу, рассудку читателя. Художник воздействует и влияет на читателя картинами, образами, в которых также содержится известная мысль, но которые прежде всего вызывают в читателе те или иные чувства. Научная книга дает читателю точные знания, вызывает его на размышления. Беллетристическая книга действует прежде всего на чувство, на настроение читателя. Беллетристика может заразить читателя веселым настроением, может вселить бодрость и уверенность, поднять жизнеспособность и энергию читателя и, наоборот, может повергнуть в тоску, уныние, разочарование, беллетристика может вызвать прилив революционных стремлений и, наоборот, может привести к упадоч-

¹ Фриче. — „Что такое искусство“ — „Литературная газета“ № 39 (76).

ному состоянию. Как музыка вызывает у нас те или другие переживания, — то увлекает вперед боевым маршем, то меланхолическим мотивом заставляет замкнуться в себе, погрузиться в свои личные дела — так и художественная литература возбуждает в психике человека различные переживания и настроения¹⁾.

М. Горький, в произведениях которого нередко говорится о влиянии художественной литературы на читателя, так передает переживания Вареньки Олесовой при чтении романов: «дрожишь за героев, жалеешь их, ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибают... Страстно ждешь, когда кончится роман, а прочтешь его — чуть не плачешь от досады, что уже все кончено» («Варенька Олесова» М. Горького).

Из различия в способах воздействия на читателя вытекает тот вывод, что и работать с беллетристикой и научной литературой нужно различными способами. Относительно научной книги мы можем довольно точно знать, что она доказывает и на какие мысли наведет читателя. Относительно беллетристической книги труднее определить, какое настроение она создаст у читателя, какие она вызовет мысли у читателя. Иногда бывает так, что на словах писатель призывает к революции, но самые образы его вызывают у читателя ненужные или вредные настроения, сомнения, колебания и т. д.

Между тем, основная задача работы с беллетристикой в наших библиотеках заключается в том, чтобы пробудить и укрепить чувства и настроения, необходимые для борьбы за социализм и для строительства социализма. Сознание международной пролетарской солидарности, ненависть к классовым врагам, готовность отдать свои силы для строительства социализма, производственный энтузиазм, воспитание культурных навыков — вот что должна дать беллетристика при умелом руководстве читателем со стороны библиотекаря.

Для пояснения наших рассуждений прибегнем к образному выражению поэта:

Время сделало сердце наше
Общежитием всяких чувств.
Общежитие забито вещами,
А в углах где-то есть тайники,
Где скрываются чувства-мещане,
Чувства-буржуи,
Чувства-меньшевики.
Будоражит нас жизнь делами,
И подчас в наших чувствах —
Раздор...
Открывается в сердце парламент,
Учредительский разговор.

(Безыменский)

1) Отсюда нельзя, однако, делать выводы о том, что искусство выражает только чувства людей.

„Нет, оно (т.е. искусство. В. Д.) выражает и чувства и мысли, но выражает не отвлеченно, а в живых образах. И в этом заключается его главная отличительная черта“ (Плеханов, т. XIV, стр. 2).

Отсюда поэт делает для себя вывод, которому должен следовать и каждый библиотекарь в своей практической работе с беллетристикой:...

Чтобы жизнь, как Ульянов, изведать
Я учусь,
Непрестанно учусь
Укреплять диктатуру победы —
Большевистскую фракцию чувств.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Чем отличается беллетристика от научной литературы?
2. Каким путем влияет беллетристика на читателя?
3. Как (в каком направлении) библиотекарь должен использовать влияние беллетристики на читателя?

ГЛАВА II

КАКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА НУЖНА В МАССОВОЙ БИБЛИОТЕКЕ.

Подходящей для массовой библиотеки можно считать только ту беллетристическую книгу, которая удовлетворяет целому ряду требований. Эти требования в общем можно свести к следующим: книга должна быть доступной (для массового читателя), занимательной, идеологически выдержанной (в духе пролетарской идеологии) и полезной в отношении социально-воспитательном.

Рассмотрим подробнее каждое из этих требований в отдельности, поясним, что оно обозначает и к чему обязывает каждого библиотечного работника при подборе беллетристики и при работе с ней.

1. Доступность беллетристической книги

Доступность или понятность книги для читателя — это первое (но еще не главное) требование, которое мы должны к ней предъявить. Если читатель не может понять, о чем говорится в книге, не может разобраться в ее содержании, уловить тот смысл, который вложен писателем в его образы, то ясно, что чтение этой книги для данного читателя будет совершенно бесполезным занятием и даже может принести вред — оттолкнуть читателя от книги и от библиотеки.

Для того, чтобы чтение дало тот результат, к которому мы стремимся, необходимо, чтобы читатель мог как следует понять книгу, усвоить ее содержание, оценить ее. Если читатель скажет о книге: «больно мудрено», «непонятно что-то», «не для нас писано» и т. п. — значит, библиотекарь, дав ему эту книгу, сделал ошибку: не учел степени трудности книги и ступени развития читателя.

Отчего же зависит большая или меньшая трудность книги, большая или меньшая ее доступность для массового читателя наших библиотек?

Прежде всего от языка, которым написана книга.

Если в книге много иностранных слов, если в ней часто встречаются так называемые местные выражения, употребляющиеся только в Сибири или на Украине или на Кавказе и т. п., если в книге попадаются слова устарелые, отжившие, которыми теперь не пользуются, то, естественно, читатель, недостаточно подготовленный, просто не поймет даже отдельных фраз: книга ему покажется написанной на каком-то чужом языке.

Например, такие слова, как «фиакр», «кэб», «детектив», «экзотический», «сноб» и т. п., встречающиеся в переводных романах, останутся для массового читателя непонятными. Также названия всяких малоизвестных стран, древних богов и героев, часто упоминаемые у классиков, ничего не скажут нашему читателю (например: «Пал Приамов град священный, грудой пепла стал Пергам»).

У современных писателей, особенно у Артема Веселого, Всеволода Иванова, Лидии Сейфуллиной, отчасти у Анны Каравзевой и др., заметно сильное пристрастие к местным выражениям.

Ярким примером нагромождения устаревших слов служит роман Чапыгина «Разин Степан». Автор заставляет своих героев говорить языком XVII века, почему даже для подготовленного читателя этот роман труден и утомителен.

Наоборот, чем меньше автор прибегает к иностранным словам, к местным или устаревшим выражениям, тем доступнее будет книга для массового читателя.

Слог

Бывает, однако, что автор пользуется только общепонятными словами, но соединяет их так, что выходит что-то малопонятное, получаются такие фразы, смысла которых сразу не уловишь. Иногда это объясняется тем, что автор пишет очень длинными фразами: дойдя до конца фразы, читатель забывает о том, что сказано вначале. Иногда, наоборот, автор пишет отрывистым слогом, короткими фразами, при чем между ними получается некоторый пропуск, который читатель должен восполнить от себя. Иногда писатель необычно, своеобразно, расставляет слова, и трудно бывает уловить их взаимную связь и зависимость. Иногда писатель выражается очень витиевато, напыщенно и какую-нибудь простую мысль передает сложным образом. Например, вместо того, чтобы сказать, что герой закурил сигару, положил локти на стол и подпер лицо ладонями, в одном романе говорится: «он водрузил эту несложную композицию из лица, сигары и ладоней при помощи локтей на стол»¹). Для массового читателя такой искусственный слог затрудняет чтение, поэтому, например, рабочий-читатель не понимает и не любит американского писателя

¹ Рис Уильки Ли. „Блеф“. Поддельный роман. Б.В.Л. 1928, см. стр. 13.

О. Генри, которого люди со средним и высшим образованием читают очень охотно.

Наоборот, чем проще, безыскусственнее слог, которым написана книга, чем ближе строй речи к обычному, чем меньше всяких восторженных восклицаний, туманных намеков или острот, требующих от читателя известных знаний, — тем доступнее книга для массового читателя.

Построение произведения

Наконец, доступность книги зависит также от того, как построено литературное произведение в целом. Тут имеет значение прежде всего самый размер произведения. Если оно очень велико, в роде «Вора» Леонова, или «Февраля» Тарасова-Родионова, или романов Драйзера, то, независимо от всех прочих обстоятельств, массовому читателю будет трудно его осилить.

Если произведение заполнено бесконечными разговорами, или длинными описаниями природы (например, Джозеф Конрад), или скучными философскими рассуждениями (Г. Честертон), или подробнейшими описаниями переживаний действующих лиц, то внимание читателя рассеивается, он теряет нить действия, забывает, что происходит с героями, книга становится ему непонятна и скучна. Также нелегко бывает для читателя следить за действием, если оно происходит в нескольких различных местах, если оно перепутано во времени — раньше описывается конец, а затем автор возвращается к началу, к более ранним событиям. Построенный таким образом роман Федина «Города и годы» почти недоступен для массового читателя. Наконец, если действие развивается слишком быстро, одно событие моментально сменяет другое, обстановка меняется каждую минуту, если участвует слишком много действующих лиц, то читатель может запутаться и перестанет понимать, о чем говорится в книге.

Постепенное и равномерное развитие событий, их последовательный ход, без излишних отступлений и скачков на ряду с простым языком и слогом делают произведение доступным для широкого круга читателей. Всякие же отклонения от указанных требований суживают круг возможных читателей и делают книгу малополезной для библиотечной работы, хотя бы сама по себе — по своим образам, по вызываемым ею чувствам и мыслям — эта книга была очень полезна и нужна.

Степени доступности книги

Однако было бы ошибочно при оценке книги исходить только из нее самой, не принимая во внимание читателей. Книга может быть для одного читателя слишком трудной, а для другого, наоборот, чересчур простой, и потому неинтересной. Поэтому доступность и трудность книги принято оценивать степенями развития, которое требуется от читателя для понимания данной книги. Эти степени доступности (трудности) книги или ступени раз-

вития читателя условно обозначаются римскими цифрами: I^о, I, II, III, IV.

Подробно о делении читателей по этим ступеням сказано во втором уроке — в книжке Петровского, В. В. — «Техника передвижной библиотеки», стр. 20—21.

Приведем примеры книг различных степеней доступности:

- I. Дорохов. — „Сын большевика“. Серафимович. — „Стрелочник“.
- I. Семенов С. Т. — „Расплата“. Ильина. — „Сильнее любви“. Неверов. — „Марья-Большевичка“.
- I—II. Франко. — „Фрузя“. Ширванзаде. — „Честь“.
- II. Новиков-Прибой. — „Морские рассказы“. Неверов. — „Ташкент — город хлебный“.
- II—III. Шолохов. — „Тихий Дон“. Серафимович. — „Железный поток“.
- III. Фадеев. — „Разгром“. Караваева. — „Лесозавод“. Панферов. — „Бруски“.
- III—IV. Федин. — „Города и годы“. Тынянов. — „Смерть Вазир-Мухтара“.
- IV. Леонов. — „Вор“. Драйзер. — „Финансист“.

Эти ступени доступности проставляются на аннотированных карточках Б. Ц. К. перед самой аннотацией (см. урок 2-й), эти условные обозначения ставятся также в различных библиографических бюллетенях при отзывах на книги.

Подбирая передвижку для рабочих-читателей, передвижник должен преимущественно брать книги I, II, III степени доступности, специально для малограмотных — книги I^о, а книги III—IV и IV — только в исключительных случаях, по определенному требованию какого-либо высококвалифицированного читателя.

Подбирая передвижку для служащих, учителей и др., передвижник, наоборот, должен взять небольшое количество книг I и II степени доступности, имея в виду небольшое количество мало-подготовленных читателей из низших служащих (уборщицы, курьеры, швейцары и пр.), а преимущественно брать книги II—III, III, III—IV и IV степени доступности. Понятно, и в том и в другом случае передвижник, подбирая книги, должен прежде всего точно выяснить степень доступности каждой книги.

Доступность книги особенно большое значение имеет в работе с малограмотными, которых передвижник должен привлечь в библиотеку, втянуть в чтение. Но о работе с малограмотными мы не будем здесь говорить, так как на эту тему в программе курсов имеется особый урок: Виноградова — «Книга в помощь ликвидации неграмотности». По уроку тов. Виноградовой передвижник может ознакомиться и с приемами работы среди малограмотных и с книгами, наиболее доступными для начинающего читателя.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

- 1. Отчего зависит доступность книги для массового читателя?
- 2. Чем в окончательном итоге определяется доступность беллетристической книги?
- 3. Как разделяются книги по степеням доступности?

2. Занимательность беллетристической книги

Доступность книги — не единственное условие, определяющее ее пригодность для библиотеки. Бывают книги, написанные простым языком и ясным слогом, нетрудные по построению, но вместе с тем они мало читаются и остаются без движения на полках. Одной доступности мало: вполне доступная книга может оказаться скучной, малозанимательной и не привлечь внимания читателей (например, рассказы Волжского, романы Степного, Ряховского и др.).

Таким образом, оценивая книгу, нужно учитывать, насколько и для кого она может быть занимательной, интересной.

От чего зависит занимательность книги, какие моменты, какие свойства книги повышают интерес читателя к ней?

Развитие действия (как одно из условий занимательности)

Тут, может быть, главную роль, особенно для среднего читателя, играет динамичность книги, т. е. достаточное развитие действия. Если в книге мало или совсем нет никакого действия, или, как говорят, в книге нет сюжета, а вся она состоит из описаний природы, душевных переживаний, каких-либо мелочей быта и т. п., то книга не может рассчитывать на успех среди широкого круга читателей. Есть, например, роман ирландского писателя Джемса Джойса — «Улисс», в котором «все восемьсот страниц... посвящены изображению одного (только одного!) серого дня жизни серого дублинского обывателя, с которым абсолютно ничего за этот день не приключается» (А. Лейтес — «Литературная Газета» № 31 (68)). Понятно, можно утверждать, что ни один наш читатель не осилит такого романа, и читать его будут только специалисты — исследователи литературы.

Если в литературном произведении описываются какие-либо события, если в нем есть действие, но развивается оно слишком медленным темпом, то такой роман будет читаться массовым читателем также с неохотой и может остаться вообще недочитанным.

Только в том случае, если в романе есть завязка, если в судьбе героя и в его взаимоотношениях с другими лицами происходят изменения, если действие непрерывно разворачивается и нарастает, разрешаясь в конце тем или иным способом, — только в таком случае роман сможет приковать внимание массового читателя и держать его в напряжении до конца.

Романы приключений

Особым видом беллетристики, преследующим цели занимательности, увлекательности являются романы приключений, так называемая «авантюрная беллетристика», которую очень любит читать молодежь: рабочие-подростки, учащиеся и др.

Сюда относятся в первую очередь романы, описывающие путешествия и приключения героев в жарких или полярных странах,

в неизведанных областях, борьбу героев с природой, с дикими туземцами, с пиратами и пр. Сюда относятся также романы научно-фантастические, где рассказывается о различных технических изобретениях и научных открытиях, о лучах смерти, о людях-невидимках, о полетах на луну и т. п. Отчасти сюда можно причислить некоторые романы-утопии, в которых автор переносится вперед лет на 100—200 и изображает будущую жизнь человечества, технические достижения, новый общественный строй, например, Богданов — «Инженер Мэнни», «Красная звезда».

Из приключенческой литературы можно выдавать читателям таких писателей, как Жюль Верн («Путешествие на луну», «Путешествие к центру земли», «Дети капитана Гранта» «20.000 лье под водой», «Путешествие капитана Гаттераса», «Таинственный остров»), Майн-Рид («Охотничьи досуги», «На дне трюма» и др.), Купер («Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикан», «Красный Корсар»), Стивенсон («Остров сокровищ»), Уэльс («Первые люди на луне», «Пища богов», «Когда спящий проснется», «Человек-невидимка», «Борьба миров», «Остров доктора Моро»), Джэк Лондон («Смок Бэлль», «Сила сильных», «Железная пята», «Морской волк» и др.).

В романах этих писателей, кроме описания приключений, обычно даются различные научные сведения, которые могут заинтересовать читателя и привлечь его к более серьезному чтению, к книгам по географии, естествознанию и другим наукам, к техническому изобретательству и пр. Но надо избегать голый занимательности, пустого приключенчества, таких книг, где рассказывается о бесконечных похождениях, ничем не обоснованных, кроме фантазии автора, где выводятся в качестве героев сыщики и преступники, где дикари изображаются как низшая раса, где проводятся какие-нибудь ненаучные идеи и т. п. Чтение таких книг может вызвать в читателе нездоровые стремления, заразить его буржуазными взглядами на угнетенные народности, буржуазным преклонением перед сыщиками — охранителями частной собственности, и т. п. Поэтому такие авторы, как Дюма, Жаколио, Буссенар, Сальгари, Бэрроуз, Ренар, Леблан, Кэрвуд и т. п. ни в коем случае недопустимы в передвижки и должны быть вычищены из стационарных библиотек, если они еще уцелели там.

Особенно следует передвижнику бороться с Кэрвудом, получившим широкую известность среди наших читателей. Романы Кэрвуда, являющегося слабым подражателем Джэка Лондона, почти все повторяют один другой, бледны, фальшивы, проповедуют мещанские взгляды. Не связанные ни с какой естественно-научной или социально-политической идеей, состоящие из смены необоснованных приключений, эти романы приносят вред читателю, заслоняя от него действительность и уводя его в какие-то воздушные замки.

С такого рода романами надо бороться, продвигая вместо них писателей, о которых говорилось выше, — Ж. Верна, Джэка Лондона и др. — не менее увлекательных по сюжетной стороне и вместе с тем полезных пробуждением страсти к борьбе, интереса к

путешествиям, к научным знаниям. Однако на этих представителях приключенческой литературы передвижник не должен успокаиваться.

Удовлетворяя все тот же интерес читателя к приключениям, к занимательности, передвижник должен придать этому интересу другую окраску — социальную, общественную, интерес к борьбе вообще он должен перевести в плоскость революционной борьбы пролетариата.

Конкретно: передвижник должен от чисто-приключенческой беллетристики перевести читателя к литературе социально-приключенческой, на темы о приключениях, связанных с классовой борьбой: о столкновениях революционеров с полицией и охранкой, о побегах революционеров из тюрем (например, побег Кропоткина, Гершуни и др.), о приключениях во время гражданской войны, о подвигах Красной армии, борьбе западно-европейских рабочих с фашистами и проч.

По этим вопросам отчасти можно давать беллетристику, например, Новикова-Прибоя («Морские рассказы», «Ералашный рейс»), Сытина («Контрабандисты Тянь-Шаня», «Мертвые всадники»), Алексеева («Большевики»), Васильченко («Карьера подпольщика»), Панова («Тайна старого дома»), Лавренева («Ветер», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи») и др., отчасти научную литературу: биографии, воспоминания, историко-революционные мемуары, например, Сверчкова («На заре революции») и др.

При этом надо избегать мнимо-революционной беллетристики в роде Кальяри — «Черный крест», Джим Доллар — «Месс Менд», Десберри — «На берегах Гудзона», «ЭМС», «Голубой луч», Веревкина, Иркутова и т. п. У этих авторов приключенческий роман только внешне переделан, перекрашен в революционный цвет, но по существу он остается тем же буржуазным романом, только действующие лица меняются ролями: революционерам все удается, они благополучно ускользают от всевозможных опасностей, а сыщики и фашисты попадают все время в глупое положение, оказываются «в дураках».

Но эта смена приключений ничем не обоснована и зависит всецело от фантазии автора. Кроме того, в этих мнимо-революционных произведениях искажаются представления о классовой борьбе, о причинах классовых побед и поражений. Вместо сплоченной, организованной пролетарской массы, виновником успеха оказывается проницательный или ловкий герой, разгадавший какую-либо хитрость фашистов или, наоборот, введший фашистов в заблуждение каким-либо необычайным хитросплетением событий.

Такие романы, вызывая у читателя пристрастие к пустой смене приключений и навязывая ему неправильные понятия о методах классовой борьбы, не менее вредны, чем романы Кервуда и пр.¹⁾.

¹⁾ Рекомендательный список приключенческих романов можно найти в бюллетене Московской областной центральной библиотеки — «В помощь библиотеке» за 1929 г. № 18—19, стр. 77—93.

К романам особо занимательным, напоминающим приключенческие, можно причислить многие исторические и историко-революционные романы. Читателя, интересующегося приключениями, нетрудно перевести к таким романам, как Дживанниоли — «Спартак», Гюго — «93-й год», «Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется», Войнич — «Овод», Тетмайер — «Горные орлы», Пушкин — «Капитанская дочка», Степняк-Кравчинский — «Андрей Кожухов», Арнольди — «Василиса», Караваева — «Золотой клюв» и др. В этих романах, помимо всевозможных приключений героев, их столкновений и борьбы, перед читателем вырисовывается та или другая историческая эпоха, борьба классов в прошлом, словом, общественные отношения. Поэтому от исторических романов о прошлом лежит прямой путь к романам об Октябре, о гражданской войне, о социалистическом строительстве, словом, к современной социальной беллетристике, которая является наиболее важным видом художественной литературы, и к которой передвигник должен постепенно переводить каждого читателя (если его не удалось сразу заинтересовать социальной беллетристикой).

При этом надо, однако, иметь в виду, что каждый автор историческую действительность изображает со своей классовой точки зрения, ищет в прошлом подтверждения своим политическим взглядам, переносит в прошлое ту борьбу, участником которой он является.

Поэтому, например, Вальтер Скотт, автор многих исторических романов, убежденный монархист, изображает королей и королевскую власть в приукрашенном виде; Пушкин в «Капитанской дочке» рисует «величавую» и «мудрую» Екатерину II, затушевывая те отрицательные стороны ее правления, которые толкнули крестьянство на пугачевщину.

Таким образом, исторические романы часто дают неверное, классово-искаженное — в сторону дворянскую или буржуазную — представление об исторических событиях, об исторических лицах, о классовых интересах и целях, о ходе классовой борьбы.

Поэтому необходимо чтение исторических романов дополнять научной литературой, рассматривающей данную эпоху с пролетарской точки зрения¹⁾.

Итак, говоря о занимательности, мы выяснили два вида особо занимательной литературы, читающейся с наибольшим интересом преимущественно молодежью, — приключенческие и исторические романы.

Мы показали, как, начав с этого интереса читателя, можно перевести его к современной художественной литературе на общественные темы.

¹⁾ Рекомендательный список исторических романов см. в том же бюллетене «В помощь библиотеке» в № 10 — 11 за 1929 г. (стр. 63 — 80) и в № 2 и 5 за 1930 г.

Другие условия занимательности

Однако занимательность книги не зависит исключительно от нагромождения всяких происшествий и событий, от быстрого развития действия, от каких-либо необычайных приключений. Да и не всякий читатель ищет в беллетристике только развлека-тельности.

Многие произведения оказываются интересными для одних или других читателей теми вопросами, которые наглядно разбираются и обсуждаются в этих произведениях. Например, для молодежи, более взрослой, втянувшейся в общественную работу, для комсомольцев и комсомолок могут быть занимательными те романы, где затрагиваются вопросы о половых отношениях, о связи личной жизни с общественной работой, о быте передовой молодежи и пр. Такие романы, как Кетлинской — «Натка Мичурина», Горбатова — «Ячейка», Платошкина — «В дороге», пользуются большим успехом среди молодежи, хотя в этих романах показана только окружающая нас действительность и нет никаких фантастических приключений. Эти романы заинтересовывают молодежь, так как их содержание близко к тому, что переживает сейчас большая часть молодежи, так как в этих романах разрешаются те злободневные вопросы, над которыми бьется и мучается молодежь.

Молодежь и взрослые, еще недостаточно втянувшиеся в общественную работу, в производство, в политические интересы, особенно охотно читают романы «про любовь» — о том, как двое влюбленных страдают, как различные препятствия внешние или внутренние мешают им соединиться, как эти влюбленные, наконец, преодолевают все преграды и вступают в брак. На эту тему написано очень много всякой пошлой, мешанской, бульварной литературы, особенно из числа переводных романов. Здесь следует решительно воздержаться от таких авторов, как Локк и Уэдсли. Можно давать читателю такие романы, как Дюшен — «Тамилла», Лондон — «Маленькая хозяйка большого дома», «Дочь снегов», Синклер — «Сильвия» — для читателя II-III групп¹⁾ — и для читателя I-II групп — Франко — «Фрузя», Ширванзаде — «Честь». Для III-IV группы — Драйзер — «Сестра Керри», «Гений».

Однако возможно скорее нужно переводить читателя к таким романам, где всякого рода любовные переживания и драмы даются как часть социально-бытовой картины, где эти переживания связаны с социально-политическими вопросами.

Внимание молодежи надо направлять в сторону ранее названных произведений комсомольской литературы; взрослых рабочих и работниц надо переводить к таким романа, как Чумандрин — «Родня» и «Фабрика Раблэ», Новиков-Прибой — «Женщина в море», Гладков — «Цемент», Никифоров — «Женщина», Карпов — «Пятая любовь», Коробов — «Катя Долга», Горбунов — «Ледолом».

¹⁾ Однако надо заметить, что перечисленные романы в общем не особенно рекомендуются.

И в данном случае, используя интерес читателя к описанию любовных чувств, надо этот интерес ввести в русло общественной жизни, связать его с вопросами нового быта и культурной революции.

Мы взяли примерно два вопроса (быт и «любовь»), которые привлекают внимание читателей и вызывают интерес к соответствующим литературным произведениям. Но, понятно, круг вопросов, которые могут заинтересовать читателя, не ограничивается этими двумя.

В среде читателей-рабочих развиты интересы к революционной борьбе, к социалистическому строительству, к социалистической перестройке деревни, к жизни и борьбе западно-европейских и американских рабочих, к жизни угнетенных народностей в странах капитала, колониях и полуколониях и т. д.

Некоторые рабочие интересуются романами на производственные темы — о гигантских сооружениях, об успехах техники, и этот интерес надо всячески поощрять и поддерживать. Правда, на эту тему беллетристики имеется мало: лучшей и чуть ли не единственной книгой является роман Келлермана — «Туннель». Однако от него легко сделать переход к романам о восстановлении и реконструкции нашего социалистического хозяйства: Гладков — «Цемент», Ляшко — «Доменная печь», Караваева — «Лесозавод», Вигдорович — «Онегострой», а от этих романов — к публицистическим очеркам о заграничном и советском хозяйстве: Дорфман — «В стране рекордных чисел», Б. Кушнер — «103 дня на Западе», Форд — «Моя жизнь и мои достижения», Осинский — «Американский автомобиль или российская телега», Григ — «На Турксибе», З. Рихтер — «В стране семафоров», Кушнер — «Южное сияние», к брошюрам о социалистическом соревновании (Ленин, Микулина), ударничестве, об энтузиастах производства. Параллельно в тех же читателях надо вызывать интерес к общим вопросам техники и к технической стороне своего производства, настоятельно рекомендовать и продвигать те специальные книги, которые помогут рабочему повысить свою квалификацию, улучшить качество продукции, которые толкнут рабочего на путь технического изобретательства и наиболее полного использования технических возможностей и ресурсов производства.

Помимо злободневных или специальных вопросов, соответствующих общим или частным интересам читателей, литературное произведение может захватить читателя, увлечь его яркохудожественным воспроизведением жизни, образным, живым и правдивым изображением действующих лиц и их переживаний, новым освещением какой-либо стороны общественной жизни, которой читатель до сих пор, может быть, и не интересовался особенно или которой перестал остро интересоваться.

Из таких романов, разрабатывающих уже старую тему, но поражающих и привлекающих читателя художественностью, правдивостью, силою, укажем для примера два недавно вышедшие романа.

Много писалось об империалистической войне и в русской и в иностранной литературе, и тема эта несколько наскучила читателям, пока не появился роман Ремарка — «На западе все спокойно», или «На западном фронте без перемен». Этот роман, не давая правильной классовой установки, не указывая выхода, обеспечивающего нас от повторения империалистических войн, все же весьма интересен и для советского читателя чрезвычайно точной и потрясающей передачей ужасов современной войны с ее высокой техникой истребления людей.

Не только тот, кто сам был на войне, но и тот, кто никогда не участвовал ни в каких военных действиях, читая роман Ремарка, переживает те состояния, которые вызывает у человека постоянная близость смерти.

Другим примером может служить недавно появившийся роман Горбунова — «Ледолом». В романе взята значительная тема — борьба с кулаком. Описывается, как бедняки и середняки одной приволжской деревни ликвидировали засилье кулачества, возглавляемого Филиппом Силаевым, несмотря на то, что кулаки не остановились ни перед чем: пригласили на помощь бандита и убили несколько активистов. Роман как бы иллюстрирует известные слова Ленина:

„Кулаки—самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки—меньшинство в народе... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели за счет разоренных войною крестьян, за счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалют крестьян“.

(т. XX, ч. 2, стр. 257).

Отсюда видно общественно-политическое значение этого романа, усиливаемое тем, что одной из важнейших задач настоящего периода является ликвидация кулака как класса на основе сплошной коллективизации.

Помимо этого, в романе есть еще ряд достоинств: действие развивается быстро, много есть острых моментов, разговоры действующих лиц сжаты и содержательны, превосходно выполнены массовые сцены (например, перевыборы сельсовета), типы кулаков (Силаев), бедняков (пастух, сторож), деревенской активистки (Анка) даны живо и убедительно, общее настроение — бодрое, заражающее читателя уверенностью в победе трудящихся, которые, как «ледолом», сокрушают старые устои. Поэтому, хотя тема разработана уже десятками писателей, «Ледолом» читается с большим интересом, как нечто новое, и должен рассматриваться не только как социально-важное, но и как художественно-занимательное произведение. Таким романом можно привлечь к социальной беллетристике читателя не имеющего ясно выраженной склонности к общественно-политическим вопросам, и можно также восстановить и углубить интерес

читателя, прочитавшего уже много произведений на эту тему и охладевшего к ним в силу их однообразия и повторяемости.

Наоборот, произведения, написанные по малозначительному вопросу, мало отвечающие интересам читателей, произведения с малоразвитым или медленно развивающимся действием, дающие не живые и убедительные образы, а надуманные фигуры, повторяющие по-старому уже известные мотивы, такие произведения не найдут себе читателей и останутся мертвым грузом на полках библиотеки.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ.

1. Чем определяется занимательность книги?
2. Какие книги считаются особо занимательными для молодежи?
3. Как надо работать с приключенческой книгой?

3. Идеологическая выдержанность художественного произведения

Что означает требование идеологической выдержанности литературного произведения

Доступность и занимательность, о которых мы говорили до сих пор, являются свойствами, относящимися главным образом (но не исключительно, конечно) к внешней стороне литературного произведения, к его форме. Та или другая мысль, то или другое событие могут быть переданы просто и занимательно, и тогда книга читается легко и с интересом, библиотекарь нетрудно бывает продвинуть ее к читателю. Но та же самая мысль, то же самое событие могут быть описаны тяжелым языком и слогом, бледно, растянuto, — и читатель пройдет мимо такой книги. Следовательно, доступность и занимательность — это до известной степени внешние признаки книги, это те условия и те зацепки, которые библиотекарь должен учесть и использовать при рекомендации книги определенному читателю или кругу читателей, главным образом читателю массовому.

Для читателя высокоразвитого эти стороны книги имеют меньшее значение.

Итак, книга должна быть доступна и занимательна для того, чтобы найти дорогу к массовому читателю. Но это не значит, что всякую доступную и занимательную книгу надо усиленно рекомендовать, продвигать, пропагандировать. Наоборот, очень нередки случаи, когда библиотекарь приходится всячески ограждать читателя — недостаточно подготовленного, недостаточно искушенного — от романов довольно увлекательных, но проводящих враждебные нам (реакционные или мелкобуржуазные) идеи и взгляды.

Таким образом, главное в книге — это не такие признаки, как занимательность и доступность. Основное в книге — это ее содержание, т.е. та совокупность переданных автором событий и лиц, та совокупность высказываемых им взглядов и мыслей, которая вызывает у читателя те или иные свои мысли, чувства и

стремления. «Как говорится», это важно только для привлечения читателя к книге, но для воспитания читателя гораздо важнее — «что говорится» в книге.

Содержание книги библиотекарь, как проводник культурно-политической работы, должен расценивать именно с точки зрения культурно-политических задач, стоящих перед рабочим классом. И с этой точки зрения главное требование, которое мы должны предъявлять к содержанию каждой книги, — это требование ее идеологической выдержанности.

Что же обозначает это требование? Что такое идеология вообще? Какая идеология нужна нам?

Идеологией какого-либо общественного класса мы называем совокупность интересов, взглядов и устремлений данного класса, которыми определяется его отношение к другим классам.

В Советском Союзе, осуществляющем диктатуру пролетариата в целях создания социалистического общества, идеологически выдержанной мы можем считать только ту книгу, которая без всяких оговорок и уклонов выражает идеологию воинствующего пролетариата, научно обоснованную в учении Маркса и Ленина — в научном коммунизме, в марксизме-ленинизме.

Такую книгу, которая вызывает в читателе сознание международного братства рабочих, чувство ненависти к угнетателям — капиталистам, готовность бороться и жертвовать всем для строительства социализма, короче говоря, такую книгу, которая способствует переделке читателя в сторону пролетарского социализма, в сторону коммунистического мировоззрения, мы можем считать выдержанной в духе классово-пролетарской идеологии и всячески продвигать ее к читателю.

В отношении такой книги мы можем в известной степени поступаться ранее приведенными требованиями доступности и занимательности, а именно: к тем произведениям пролетарского искусства, которые, возможно, не имеют больших художественных достоинств, но проводят четкую классовую идеологию, мы должны относиться очень бережно, не отбрасывая их, а изыскивая всяческие пути для заинтересования ими читателей. Надо сказать, что и сами читатели-рабочие, хотя немного развитые, нередко с большим интересом читают произведения, не отличающиеся особенными художественными достоинствами, но дающие значительное идейное содержание, вполне отвечающее революционной пролетарской идеологии.

Наоборот, все те книги, в которых говорится и образно доказывается, что капиталистический строй несокрушим, что рабочие должны стремиться к классовому миру, что империалистические страны приносят культуру в свои колонии и полуколонии и осчастливливают угнетенные народности и т. п., — короче говоря, такие книги, которые выражают идеологию, т. е. взгляды, интересы и стремления буржуазии, и воспитывают читателя в преклонении перед капиталистическим строем, — такие книги совершенно недопустимы в наших библиотеках.

Например: Локк — «Демагог и леди Файр».

„Содружество классов в том же духе «преданности бедняков и благотворительности богатых» пропагандирует Локк в романе „Демагог и леди Файр“. Молодой рабочий, лидер политической партии, борется за рабочее дело, вдохновляемый прекрасной аристократкой. При ее поддержке он выигрывает стачку. Жене же его, женщине из престонародья, совершенно чужды благородные порывы мужа и интересы рабочего класса, не то, что прекрасной и утонченной аристократке.

Локк ослабляет общественно-социальные противоречия благотворительностью, участием аристократов в рабочем движении и отвлекает от них читателей проблемой устройства личного счастья, с редкой последовательностью утверждая пошлые мещанские идеалы на всех страницах своих романов“. („Книга и профсоюзы“, 1929, № 1, стр. 11. Мушкетина, „Локк нам не нужен“).

Произведения мелкобуржуазной литературы нередко очень ярко показывают недостатки капиталистического строя, жестокую эксплуатацию рабочих на Западе, нарастание классовых противоречий и революционного движения, ужасы империалистической войны, угнетение колониальных народов, национальных меньшинств и пр., — но такие книги обычно не выражают четкой пролетарской идеологии: авторы их недостаточно критически воспроизводят капиталистическую действительность, они преувеличивают ее мощь, не видят из нее выхода в пролетарской революции; все подобные книги могут быть использованы библиотекарем, но в ограниченных размерах. Выдавая их, библиотекарь прежде всего должен давать определенные разъяснения, которые помогли бы читателю сделать правильные выводы из нарисованной писателем картины. Не нужно иметь слишком много подобных книг в библиотеке, как могущих сеять пессимистические (угнетенные) настроения.

На рынке таких книг очень много, особенно из переводной литературы. Классовая идеология этих книг, мы говорим, — мелкобуржуазная. Задыхаясь под властью крупной буржуазии, вытесняемая со всех экономических и политических позиций крупной буржуазией, мелкая буржуазия остро чувствует капиталистический гнет и красочно показывает его в литературе. Но, будучи крепко связана с капиталистическим строем, мелкая буржуазия не может выйти из границ буржуазно-демократических стремлений и попадает в тупик. Наш читатель, переживший пролетарскую революцию и видящий возможность построения социализма в одной стране, вполне может сделать революционные выводы из писаний таких мелкобуржуазных авторов, особенно тогда, когда в этом поможет ему и библиотекарь.

Художественная литература и классовая борьба

Таковы самые общие правила работы с литературными произведениями при подходе к ним со стороны идеологии. На первый взгляд здесь кажется все очень просто: пролетарскую литературу мы должны продвигать, буржуазную не допускать в библиотеки,

мелкобуржуазную приспособлять к нашим целям, извлекая из нее все то, что звучит и настраивает читателя революционно. Но для того, чтобы так действовать, нужно сначала выяснить идеологию книги, а это совсем не так легко по отношению к беллетристике. В научной книге автор точно и ясно высказывает свои мысли, и более или менее ясно видно, чьи интересы он защищает — пролетариата или буржуазии, чьи взгляды он проводит. В литературно-художественном произведении писатель может ничего не говорить прямо; он описывает то или другое событие, тех или других людей, но что он этим хочет сказать, чью идеологию он проводит — сразу определить трудно.

Некоторые буржуазные критики и исследователи литературы уверяют, что вообще искусство и художественная литература не отражают классовой борьбы и классового деления общества. Художник, по их мнению, стремится к вечным идеалам, выражает общечеловеческие истины, он работает для себя и для человечества, а не в угоду каким-то классам или группам общества. Поэтому, мол, и нечего доискиваться классовой идеологии в художественных произведениях. Если же классовая идеология слишком резко чувствуется, то такое произведение эти критики объявляют нехудожественным, тенденциозным. Однако, видя, что старания этих критиков сводятся к затушевыванию классовой борьбы, невыгодной в данный момент для буржуазии, мы поймем, что это — гололоса из буржуазного лагеря.

В действительности дело обстоит следующим образом, как говорит Плеханов:... «Сказать, что искусство, равно как и литература есть отражение жизни, значит высказать, хотя и верную, но все-таки еще очень неопределенную мысль. Чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. У цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из главных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе «духовную» историю цивилизованного общества; «ход его идей» отражает собою историю его классов и их борьбы друг с другом». (Плеханов, т. XIV, стр. 118).

Таким образом, мы видим, что тот классовый подход к литературе, то деление ее на пролетарскую, буржуазную и мелкобуржуазную, о котором мы говорили выше, действительно необходим. Но это не значит, что этот подход прост, что сразу можно решить, идеологию какого класса выражает писатель. Ведь писатель говорит образами, а какая идеология скрыта в этих образах, — это может и не броситься сразу в глаза.

Бывает, например, так, что писатель так глубоко упрямывает идею произведения под расцвеченные образы, так замаскировывает ее своим художественным мастерством, что она может быть выяснена только после тщательного исследования.

Не вдаваясь в сложные примеры, возьмем несколько строк из стихотворения Петра Орешина:

Как серый спрут, ползет по свету
Седач мертвенная сталь.
Ужели вам, как мне — поэту,
Цветка помятого не жаль?

На первый взгляд это совершенно безобидные строки. Поэт жалеет о помятом цветке, и хотя это очень ничтожная причина, можно к нему присоединиться. Однако это стихотворение написано не для детей, и Орешин — не такой чувствительный поэт, чтобы плакать над каждым цветком и мотыльком, как это делали старинные чувствительные писатели. Нет, Орешин здесь пользуется цветком, как «образом», противопоставляя его «седой мертвенной стали». Движение стали может обозначать только развитие промышленности, при том крупной, то-есть индустриализацию страны. Нетронутый цветок, очевидно, — патриархальный деревенский уклад, основанный на эксплуатации бедняков кулаками.

Итак, смысл этих безобидных на первый взгляд строчек сводится к протесту против индустриализации страны, к сожалению об отживающей старой деревне, иначе говоря, эти строчки в художественной форме выражают те взгляды, которые мы называем кулацкой идеологией.

У передвижника может возникнуть вопрос: как же производить это литературно-критическое исследование, каковы способы и приемы этого исследования и выяснения идеологии автора. К сожалению, это слишком обширная тема, чтобы ее можно было разобрать в этом уроке. Ключ к идеологическому разбору художественного произведения дает особая наука — марксистское литературоведение, усвоение которой требует большой подготовки в областях литературы и марксистской философии. Здесь мы можем рекомендовать передвижнику только следующее: к каждому произведению подходить с классово-пролетарской точки зрения и прежде всего задаваться вопросом, чью идеологию это произведение выражает. Иногда — в очень редких случаях — передвижник сможет сам ответить на этот вопрос, большею же частью ему придется прибегать к помощи библиотекаря и к помощи марксистской критики, к помощи библиографических указателей и отзывов о книгах.

Но тем или иным путем передвижник должен разрешить этот вопрос. Только после установления идеологической ценности ряда книг можно выбрать из них те, которые окажутся доступными и интересными для читателей данной библиотеки или передвижки.

Рассматривая художественные произведения со стороны идеологической, мы открываем в художественной литературе самую главную ее сторону — ее воздействие на идеологию читателя. Художественная литература не только есть отражение общественной жизни, отражение классовой борьбы. Литература есть также орудие классовой борьбы, одно из средств, которым тот или иной класс стремится утвердить или защитить свое господство. Литература (и вообще искусство) есть организатор общественной идеологии в сторону, полезную и выгодную для того класса, который выражает себя в литературе.

Активную роль литературы так определяет Степанов-Скворцов: «Основная задача нашей (т.-е. советской) литературы в том, чтобы служить орудием воспитания и самосознания масс. Литература должна поднимать эти массы, звать к неустанной борьбе, воодушевлять, волновать. Литература же, которая отвлекает в сторону от этой борьбы, т.-е. гасит огонь напряжения, убивает веру в свои силы, зовет к мещанскому благополучию, — эта литература враждебна нам. Литература, которая внушает читателю, что он плох, грязен, жалок, мелочно жаден, что он — животное, что он способен только на маленькие чувства и ничтожные дела, что жизнь его — сплошная зоология, такая литература не наша, не нашей эпохи»¹⁾.

Понятно, не всякая литература может привести к тем классово-воспитательным результатам, которых требует тов. Степанов-Скворцов. Какая-нибудь приключенческая беллетристика или любовная размазня скорее даст обратные, нежелательные последствия. Наши требования может удовлетворить только та литература, которая ставит и разрешает общественно-политические вопросы, т.-е. так называемая социальная беллетристика. Этот раздел беллетристики представляет собой для библиотекаря ее основное ядро. Именно в сторону социальной беллетристики должен переводить библиотекарь внимание и интерес читателя (см. подробнее об этом в главе Методика руководства чтением беллетристики, стр. 56).

Из художественной литературы различных времен и народов наибольшее значение в смысле воспитания читателя в духе коммунизма приобретает для нас наша современная пролетарская литература, как наиболее понятная рабочему читателю и наиболее насыщенная идеями классовой борьбы и строительства социализма.

Современная русская пролетарская литература²⁾

Прежде всего мы должны выяснить, что такое пролетарская литература. Иногда неправильно пролетарской литературой считают только ту, в произведениях которой изображается пролетариат. Иногда неправильно считают пролетарскими только те произведения, авторы которых по своему социальному происхождению пролетарии. Сущность вопроса — не в происхождении автора и не в социальной принадлежности его героев.

И буржуазный писатель может изобразить пролетариат, но со своей, буржуазной точки зрения. И пролетарский по происхождению писатель может отразить в произведении узкоцеховые интересы какой-либо группы рабочего класса и не уловить общеклассовых интересов.

¹⁾ Цитировано по книге Мамаева и Тилинга — «Первоначальное ознакомление библиотекаря с книгой». Изд. АКВ. Эта не трудная книжка разбирает многие из тех вопросов, которые входят в наш урок, но только в более общей форме. Рекомендуем ее всем перелыжникам.

²⁾ О литературе других народов СССР сказано ниже — в главе об интернациональном воспитании.

Итак, все дело в том, какая классовая идеология выражена в произведении. Если литературное произведение выражает пролетарскую идеологию, т.е. взгляды и стремления передового революционного отряда рабочего класса, если литературное произведение воспитывает читателя в духе коммунизма, если оно вовлекает массы в социалистическое строительство, — то оно относится к пролетарской литературе.

Так как мы об этом уже говорили, выясняя идеологию литературного произведения, то более подробно на этом вопросе останавливаться не будем.

Первые пролетарские писатели и поэты появились у нас еще в последних десятилетиях XIX века, но они были незаметны в общем потоке буржуазно-дворянской литературы, и их произведения не носили еще ярко выраженного пролетарского характера. Однако по мере роста промышленного пролетариата и по мере осознания им своих классовых задач, пролетарская литература выделяется из остальных литературных направлений и начинает развертывать в художественных образах критику капиталистического строя, начинает показывать растущий и крепнущий рабочий класс, начинает помогать ему в его борьбе, организуя его идеологию в сторону коммунизма. К Октябрю выявились такие пролетарские писатели, как М. Горький («Мать»), Серафимович («Город в степи»), Демьян Бедный («Басни»), Библик («К широкой дороге», «На черной полосе»), Свирский («Записки рабочего») и др., а также целый ряд поэтов и писателей начинающих, которые уже после Октября определились и выросли как художники (например, Неверов, Новиков-Прибой, Ляшко, Гладков и др.).

Октябрьская революция открыла широкую дорогу пролетарской литературе. Понятно, пролетарским писателям пришлось многому учиться, пришлось усваивать и критически перерабатывать литературное наследство старого мира, но эта учеба не прошла даром.

Несмотря на утверждения некоторых критиков (например, Троцкого), что вообще не может быть пролетарской культуры и пролетарской литературы, классовая пролетарская литература непрерывно развивается, все более совершенствуя художественную форму, все более насыщая коммунистической идеологией содержание своих произведений, все сильнее овладевая руководящей ролью в современной русской литературе. Такие произведения, как «Разгром» Фадеева, «Тихий Дон» Шолохова уже не отстают в смысле художественного совершенства от произведений лучших мастеров других направлений.

Основными представителями пролетарской литературы являются Максим Горький, Демьян Бедный и Серафимович.

В произведениях М. Горького выражен протест против буржуазного строя («Песня о буревестнике» и др. ранние рассказы), показана босая среда, мещанская и купеческая Русь с ее застойным бытом («Городок Окуров», «Фома Гордеев», «Трое», «Жизнь Матвея Кожемякина» и др.) и рассказана история развития самого писателя, постепенный рост его сознательного отно-

шения к обществу («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Последние романы — «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина» дают картину: первый — развития русского капитализма и буржуазии вплоть до Октябрьской революции, второй — жизни русской интеллигенции конца XIX и начала XX вв.

Горький пользуется исключительным успехом, особенно у взрослых рабочих и рабочих, любящих его за тонкую наблюдательность, за умение просто и образно представить изображаемые события, показать интересные характеры, поделиться житейским опытом.

Особенно охотно из его произведений читаются «Мать» и «Мои университеты».

Произведения Демьяна Бедного отличаются необычайной доступностью и простотой формы, понятны для самых широких масс рабочего класса и трудящегося крестьянства; вместе с тем они остроумны, злободневны, насыщены политическим содержанием. Они служат как бы художественной иллюстрацией к политическим статьям и заметкам. Гражданская война, международные отношения, партийные вопросы, недостатки советского аппарата, антирелигиозная пропаганда, новый быт и столкновение его со старым, каждое крупное событие в международной политике, каждое значительное явление в нашем внутреннем строительстве — все это нашло и продолжает находить отклик в поэзии Демьяна Бедного. Его литературное творчество теснейшим образом слито с нашей советской действительностью, с нашей борьбой и нашим строительством. Он не только литератор, но и политический боец, агитирующий, ободряющий, отмечающий каждое достижение, громящий каждый уклон от генеральной линии партии, всяческие проявления оппортунизма на практике, всяческие бытовые пороки и недостатки. Произведения Демьяна Бедного, вышедшие собранием сочинений в издании Гиза, издаваемые во множестве всевозможных брошюр, должны особенно продвигаться в рабочую массу. Это именно та литература, та поэзия, которая более всего необходима рабочей библиотеке и в смысле близости писателя к читателю и в смысле политико-воспитательного воздействия на читателя. Особенно хорошо читаются «Евангелие без имени евангелиста Демьяна», «Потерянный и возвращенный женский рай», «Главная улица», «Поповская камаринская» и др.

Серафимович (А. С. Попов) прошел трудный путь литератора, в годы царского режима ставшего на защиту рабочего класса. «По мере роста пролетариата рос и сам писатель, революционно развиваясь, переходя от единоличного протеста человека, сдавленного тяжелым трудом, угнетенного общественным порядком, борьбе в рядах пролетарского авангарда.

В многочисленных рассказах Серафимовича даны десятки образов трудящихся: здесь и рыбаки, и грузчики, и шахтеры, и текстильщики, и трудовая интеллигенция, и бедняки-крестьяне, и стрелочники и пришедшие на заработки в город крестьяне.

Скучный для буржуазной публики, мало замечаемый буржуазной критикой, Серафимович интересен и ценен для нас как

писатель, показавший самые разнообразные слои трудящихся и отметивший самые разнообразные проявления царского гнета и капиталистической эксплуатации.

Лучшими его произведениями являются «Живая тюрьма» (сборник рассказов о 1905 г.); «Город в степи» (история развития промышленного предприятия) и «Железный поток» (героическая повесть о борьбе партизанской армии казаков с белыми армиями). «Железный поток» — одно из лучших и сильнейших произведений пролетарской литературы. Здесь дан в живых образах четкий анализ причин классовой борьбы между кулацкими и беднейшими элементами казачества и показан постепенный переход на сторону советской власти остальных, колеблющихся казаков и, наконец, порыв, неудержимое стремление массы, разбивающий все преграды на пути к освобождению от эксплуататоров.

Из отдельных рассказов Серафимовича хорошо читаются рассказы: «Стрелочник», «Сцепщик», «Как он умер», «Никита», «Зарево», «Заяц», «Бабыя деревня», «История одной забастовки» и др. Некоторые из этих рассказов изданы для малограмотных.

От рассмотрения трех крупнейших писателей — М. Горького, Демьяна Бедного и Серафимовича — перейдем к общему обзору пролетарской литературы, при чем разобьем отдельных писателей на группы.

Пролетарская литература не составляет сплошного, однородного целого. В ней отражаются различные группы, различные прослойки пролетариата. В зависимости от этой социальной основы мы и рассмотрим остальных пролетарских писателей.

Остановимся прежде всего на «крестьянском отряде» пролетарской литературы, выражающем устремления сельского пролетариата, т.-е. батраков, бедняков, колхозников.

На основании «Железного потока», запечатлевшего мощное стремление беднейшего казачества к осуществлению социализации земли, к этим крестьянско-пролетарским писателям можно отнести Серафимовича. Сюда же относится Шолохов, давший в «Тихом Доне» яркую картину дореволюционного общественного строя и быта казаков и нарастающего расслоения и классовой борьбы между кулацкой и беднейшей частью казачества. Этот роман пользуется громадным успехом среди читателей и отличается большими художественными достоинствами. Поэтому передвижник может его использовать для привлечения читателя к социальной беллетристике.

Классовую борьбу в деревне в период гражданской войны показал А. Невров в неоконченном романе «Гуси-лебеди» и в рассказе «Андрон Непутевый». Он же дал нам ряд образов и лиц мовой деревни, например, новых женщин в рассказах «Марья-Большевичка», «Аппарат» и др. Он же показал эпоху голода в романе «Ташкент — город хлебный», где описывается путешествие деревенского мальчика Миши Додонова в Ташкент за хлебом.

Классовую борьбу в деревне во время нэпа, начало колхозного строительства показали Панферов в романе «Бруски» и

Горбунов в «Ледоломе». О «Ледоломе» мы уже говорили. «Бруски» Памферова — это основной из колхозных романов. Здесь особенно хорошо очерчены фигуры кулаков, середняков и бедняков; все они показаны не только как герои романа, т. е. как лица, совершающие те или другие поступки; они даны также в своей хозяйственной деятельности, и, видя их хозяйственные устремления, их методы хозяйствования, мы можем точно убедиться, кто из них кулак, кто бедняк, и т. д. Здесь выявлены все трудности организации колхозов, сопротивление кулаков, колебания самих колхозников, недоверчивое отношение остальной бедняцко-середняцкой массы, первые победы колхозов и влияние их на колеблющихся крестьян¹⁾.

Крупной писательницей крестьянской группы является Анна Караваяева.

В ее романе «Лесозавод» показано, как действует на деревню в смысле политическом, социально-экономическом и культурном близость вновь возникшего индустриального предприятия, какую ломку вызывает непосредственное влияние рабочего класса на классовые отношения в деревне. В рассказе Караваяевой «Двор» тонко прослежена борьба собственнических инстинктов, привязанности к своему «двору» с социалистическими настроениями передового крестьянина (Семен Баюков). В историческом романе «Золотой клюв» показана борьба приписанных к казенным заводам крепостных, полукрестьян-полурабочих, с гнетом царского самодержавия, с бесчеловечной эксплуатацией, превращавшей всю их жизнь в каторжный труд.

Помимо названных писателей, можно еще отметить Тверяка («Передел», «На отшибе», «Две судьбы»), Коробова («Катя Долга», «Дема Баюнов»), Карпова, М. («Пятая любовь»).

В общем творчество пролетарской части крестьянских писателей дает нам широкую картину деревенской действительности, показанную с точки зрения беднейшего крестьянина, охватывающую все главные моменты борьбы с кулачеством и строительства социалистической деревни, увлекающую читателя к активному участию в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Произведения этой группы писателей отличаются крестьянским языком и образностью (т. е. образы их взяты из крестьянской жизни), в них много бытовых подробностей, действие часто развивается медленно, обычный герой их — бедняк-активист, преимущественно демобилизованный красноармеец.

Иной характер носят произведения писателей из рядов пролетарской интеллигенции, партийцев и рабочих-активистов. Здесь больше рассуждений, споров и переживаний героев. Здесь представлены руководители и организаторы, ведущие за собою массы к намеченной цели.

¹⁾...Кто сможет назвать такие произведения (если не считать «Брусков» и некоторых других), в которых дано было бы образное осмысление переворота, происходящего в настоящее время на крестьянских полях». («Книга и Революция» 1930, № 21—22, стр. 3).

Из этих писателей мы отметим прежде всего Фурманова, Либединского, Фадеева и Бахметьева.

Главные произведения Фурманова — «Чапаев» и «Мятеж». В первом нарисован взятый с натуры образ знаменитого вождя партизанского движения — Чапаева, переходящего, под влиянием партийца-комиссара Клычкова, от партизанщины к классовому пониманию целей и приемов гражданской войны. Во втором произведении («Мятеж», в сокр. изд. — «Семь дней») рассказано об усмирении восстания малосознательной части, подавлявшейся кулацкой агитацией, (в Семиречье, в городе Верном в 1920 г.). Произведения Фурманова передают действительные события, описывают действительно бывших людей; Фурманов писал свои произведения, как воспоминания, как материал для истории гражданской войны и Красной армии. Но законченность образов и сюжета, художественное обобщение всего виденного и пережитого во время гражданской войны выделяют произведения Фурманова из обычной мемуарной литературы и ставят их в ряды художественных достижений пролетарской прозы.

Партизанское движение на Дальнем Востоке изображается в романе Фадеева — «Разгром». Главный герой здесь — командир отряда Левинсон. Это — испытанный и закаленный партиз, учитывающий каждую мелочь и своею выдержкой спасающий отряд среди всевозможных опасностей.

Левинсону противопоставлен интеллигент-индивидуалист Мечик, все время раздумывающий, колеблющийся, в решительную минуту предающий отряд и обрекающий его на разгром. Образом Левинсона Фадеев как бы хочет сказать: вот каков настоящий революционер-большевик, действительный вождь масс. Но при этом Фадеев показывает его не как надуманную фигуру, состоящую из одних добродетелей. Он старается показать Левинсона как живого человека, со всеми его слабостями, во всех его переживаниях и колебаниях, преодолеваемых сознанием ответственности перед массой.

В романе Бахметьева «Преступление Мартына» выведен коммунист, еще не осиливший в себе старого человека, еще не слившийся с коллективом. Ему хочется громких подвигов, он неохотно принимает поручение сопровождать эвакуационный поезд с женщинами и детьми, и в опасный момент под влиянием минутной вспышки страха бросает этот поезд. Мартын сейчас же спохватывается, возвращается назад, — но преступление совершено: он оказался дезертиром, не исполнил революционного долга. Мартын, несмотря на то, что его оправдал коллектив, мучается, вспоминая свое преступление, и искупает его героической смертью, которая в сущности оказывается ненужной. Так путается индивидуалистически настроенный коммунист, делая то, что не нужно, и не делая того, что нужно, не улавливая настоящего, подлинно-революционного отношения к делу.

Роман Бахметьева несколько тяжеловат для среднего читателя из-за множества рассуждений и описаний переживаний героя.

Гораздо проще и легче читается произведение Либединского — «Неделя», тоже на тему о гражданской войне и тоже содержащее подробное описание и разбор переживаний действующих лиц, преимущественно партийцев. Либединский описывает напряженную работу партийного коллектива в провинциальном городке в годы разрухи, в окружении белобандитских шаек и притаившейся, но злобно настроенной обывательской массы. Переброска красноармейской части на заготовку дров раздробляет силы красных; этим пользуются враги советской власти и организуют кулацкое восстание. Десятки лучших партийцев гибнут, но возвратившиеся красноармейцы с помощью железнодорожных рабочих подавляют восстание. Дрова заготовлены, хлеб будет вывезен, вопрос с продовольствием разрешен. Только торжественные похороны напоминают, какой ценой досталась эта «неделя» — одна из бесчисленных недель того времени. Это лучшее произведение Либединского ярко рисует нам эпоху гражданской войны и дает различные типы коммунистов в их отношении к общественной работе.

«Комиссары» Либединского захватывают другую эпоху — переход от военного коммунизма к нэпу и показывают, как этот переход был воспринят различными прослойками и группами коммунистов.

Другие произведения Либединского слабее и не так нужны для рабочей библиотеки. Стремясь показать «живого человека», он слишком углубляется в личную жизнь героев и уже не дает их связи с коллективом. Последний его роман «Рождение героя» вызвал большие споры в печати, при чем в окончательном итоге, мнение всей марксистской критики оказалось не в пользу этого романа.

Тем же недостатком страдает известное произведение пролетарского писателя С. А. Семенова — «Наталья Тарпова». Здесь поставлены два вопроса: о роли специалистов в советском строительстве и о столкновении между личными чувствами и классовою принадлежностью. Главный герой — Н. Тарпова, секретарь фабкома, любит инженера Габруха, работающего с большевиками, но далекого от целей социализма. Всевозможные перемены отношений Тарповой и Габруха, их колебания, переживания, размышления составляют главное содержание романа. Параллельно Тарповой выведен секретарь ячейки Рябьев, хороший партиец на работе, но совершенно беспомощный в быту, подпадающий под влияние жены-интеллигентки. Роман, интересный в первой части, слаб во второй, во-первых потому, что автор запутывается в поставленных им самим вопросах, во-вторых, потому, что автор забывает о рабочей массе и дает своих героев не в отношении к ней, а самих по себе.

Мы видим, что в этих романах внимание писателей сосредоточено на «вождях», организаторах, и сама масса берется как фон для изображения руководителей революционного движения, гражданской войны и мирного строительства. Изобразить рабочую массу достаточно ярко, во всем разнообразии ее интересов, се

всеми ее социальными прослойками, в ее развитии, в борьбе за социализм еще не удалось никому в достаточной мере. Эта задача еще стоит неразрешенной перед пролетарской литературой, оставаясь главной задачей и на сегодняшний день.

Некоторые писатели более или менее приближаются к разрешению этой задачи. Они знают рабочий класс, они кровно связались с ним, но они 1) еще не овладели вполне художественным мастерством, они еще не создали своего «стиля» и 2) еще не научились быстро откликаться на злобы дня, еще не идут вровень с изменениями, происходящими в рабочем классе.

К таким писателям можно отнести Бирика, Ляшко, Гладкова, Никифорова, Чумандрина, Ив. Жигу и др.

В романах Бирика, появившихся еще до Октября («К широкой дороге», «На черной полосе»), показан рабочий класс перед 1905 г. и в годы последовавшей затем реакции.

В романе Ляшко «Доменная печь» дан эпизод из эпохи восстановления нашего хозяйства, — показано, как рабочие по собственному почину восстанавливают доменную печь и пускают завод. Главное действующее лицо здесь — энтузиаст производства Коротков. Он бросает призыв, вся рабочая масса подхватывает этот призыв и упорно борется за новое социалистическое строительство.

Та же тема о восстановлении завода, разрушенного за годы гражданской войны, развивается в знаменитом романе Гладкова «Цемент». Здесь организатором масс выступает рабочий Глеб Чумалов. С большим трудом преодолевает он недоверие рабочих, их недооценку сил рабочего класса, с трудом привлекает он специалистов, с трудом удается ему убедить вышестоящие хозяйственные и плановые организации и победить царящий в них бюрократизм. Но как только за дело взялись все рабочие, — победа обеспечена.

Помимо этой темы, у Гладкова на примере отношений между Глебом и его женой Дашей дана попытка разрешить некоторые вопросы нового быта. Это ему плохо удалось, и бытовая сторона романа обычно вызывает возражения читателей.

Несмотря на известные недостатки, «Доменная печь» и «Цемент» остаются лучшими произведениями современной пролетарской литературы, выразившими сплоченность и волю рабочего класса, его производственный энтузиазм, его классовое самосознание, его социалистические стремления.

Никифоров, помимо изображения рабочих, в крупных романах — «У фонаря» и «Женщина» — разрешает вопрос о перерождении интеллигенции, о ее слиянии с пролетариатом в борьбе за социализм. Понятно, эта тема не исключает Никифорова из рядов пролетарских писателей, не изменяет социальной основы его творчества. Перерождающиеся интеллигенты показаны не с их собственной точки зрения, а с точки зрения рабочего, пролетария, который только и может точно определить, достаточно ли переродились эти интеллигенты, достаточно ли они приблизились к пролетариату.

Чумандрин сосредоточивает свое внимание на проблемах бытовых; но эти проблемы не являются чисто личным делом героев, они связаны с их общественной работой, и то и другое — быт и работа — взаимно влияют друг на друга. В «Родне» Чумандрина показаны отношения между партийцами — мужем Федором и женой Надеждой, — отношения, осложненные приездом деревенских родственников мужа.

Неизжитая еще семейно-собственническая психология Федора толкает его на разрыв с женой и на невыдержанность в общественной работе.

В романе «Фабрика Рабле» дана картина жизни частного предприятия в период нэпа, вскрыта тонкая политика хозяина, его стремление опереться на отсталые слои рабочих, и обрисована работа парт- и профорганизаций в этих трудных условиях.

Произведения Ивана Жиги — «Думы, дела, заботы рабочих», «Новые рабочие» и др. представляют собою рабковские наброски, очерки, зарисовки с натуры и содержат ценный материал для характеристики рабочего класса.

Сильным произведением, отразившим ударничество и подъем рабочего класса и вместе с тем заклеившим бюрократизм, косность, шкурничество отсталых и чуждых элементов, является пьеса Безыменского «Выстрел».

Вся пролетарская литература в целом, из которой мы взяли всего несколько писателей, дает богатейший материал для того, чтобы понять нашу действительность. Каждый писатель, один — лучше, другой — хуже, выдвигает основные вопросы дня; каждый писатель, один — удачнее, другой — менее удачно, разрешает эти вопросы и тем самым указывает и читателям пути их разрешения. Показывая развитие пролетариата с точки зрения его самого, пролетарская литература способствует поднятию классового сознания пролетариата, мобилизует внимание и силы рабочего класса на преодоление трудностей строительства, изменяет психику читателя, постоянно напоминая ему о конечной цели борьбы — создании коммунистического общества. Поэтому пролетарская литература является для библиотекаря основным отделом беллетристики¹⁾.

¹⁾ Сейчас поднят вопрос об отставании пролетарской литературы от задач сегодняшнего дня, выдвигается упрек, что пролетарская литература живет все еще восстановительным периодом и слабо отражает реконструктивный период. Например, в № 21 — 22 «Книги и Революция» тов. Гельфанд пишет: «Нет у нас серии произведений („Выстрел“ пока еще одинок), отражающих жизнь и борьбу современного рабочего коллектива, — коллектива, создающего новые формы труда, новые стимулы творческого подъема, облекающего в плоть и кровь ленинскую идею социалистического соревнования».

Это совершенно правильно, с этим нельзя не согласиться. Необходимо требовать от пролетарских писателей большего приближения к сегодняшнему рабочему быту, к злобам дня. Однако этот недостаток следует понимать как «трудность роста» и нельзя, исходя из него, преуменьшать социально-воспитательное значение пролетарской литературы сравнительно с другими литературно-классовыми течениями.

«Попутническая» литература

Помимо пролетариата, в современной русской литературе находят свое отражение интересы и взгляды других классов, преимущественно мелкой буржуазии. Враждебно настроенная против крупной буржуазии, против дворянско-помещичьего засилья, в известной мере и до известной степени сочувствуя пролетариату, мелкая буржуазия выделила из себя группу писателей, настроенных революционно, идущих по пути пролетарской литературы, — так называемых «попутчиков». Однако мелкая буржуазия очень разнородна по входящим в нее группам (трудовая интеллигенция, ремесленники-кустари, городское мещанство, среднее крестьянство и проч.) и очень неустойчива — в зависимости от переживаемого момента.

Поэтому в то время как о пролетарском писателе мы можем сказать, что он целиком на стороне рабочего класса, что он полностью разделяет его идеологию, о мелкобуржуазных этого сказать нельзя. Одни из них ближе к пролетариату, другие — дальше; одни все больше втягиваются в совместную работу с пролетариатом, входят в пролетарские писательские организации¹⁾, из «попутчиков» превращаются в «союзников» рабочего класса; другие, наоборот, разочаровываются, отходя от революции, перестают быть даже «попутчиками», всецело становясь на позиции мелкой и крупной буржуазии.

Не останавливаясь подробно на мелкобуржуазных писателях, назовем некоторых из них, наиболее крупных: Федин («Города и годы»), Бабель («Конармия»), Вересаев («В тупике»), Каверин («Девять десятых судьбы»), Олеша («Зависть»), Сейфуллина («Пережной», «Виринея»), Иванов Всеволод («Партизаны», «Бронепоезд 14-69»), Лавренев («Полынь трава», «Ветер», «Сорок первый», «Седьмой спутник»), Слонимский, Вал. Катаев, Мих. Казаков, Леонов («Барсуки», «Вор») и др.

Попутчикам хорошо удаются вещи, посвященные гражданской войне, например, «Пережной» и «Виринея» Сейфуллиной, «Партизаны» и «Бронепоезд» Иванова, «Ветер» Лавренева, «Барсуки» Леонова. Но эпоха социалистического строительства для попутчиков менее понятна, энтузиазм социалистических будней они никак не могут почувствовать, не заражаются им. Поэтому в произведениях, рисующих мирное строительство, некоторые попутчики отдаляются от пролетарского влияния и дают неправильное освещение действительности. Так, Олеша в «Зависти» под видом настоящего коммуниста рисует нам американского дельца; Леонов в «Воре» героем избирает деклассированного, выбитого из колеи, анархически настроенного человека; Лавренев в «Гравюре на дереве» противопоставляет хозяйственную и культурную работу; Вал. Катаев в «Растратчиках» дает искаженное, преувеличенно-отрицательное представление о советском аппарате.

¹⁾ Например, Багрицкий и Луговской, недавно перешедшие из группы конструктивистов в РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей).

Понятно, с такими произведениями труднее работать. Тут многое нужно разъяснить читателю, показать и доказать, что писатель неправильно подошел к вопросу и т. п. Для этого нужно самому хорошо разбираться во всех произведениях, а для передвижника это не по силам. Таким образом, не удаляя мелкобуржуазных писателей из библиотек, следует представить работу с ними специалисту-библиотекарю. Передвижник же должен из этой литературы выбирать только самые выдержанные, наиболее созвучные пролетариату произведения. В данный момент это тем более необходимо, что в связи с обострением классовой борьбы, ликвидацией кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, буржуазные стремления у целого ряда попутчиков значительно усилились.

Связанные крепкими узами с прошлым, надеявшиеся, что эти остатки прошлого мирно уживутся с советской властью, что кулак мирно встет в социализм, попутчики правят, цепляются за старое, видя, что оно совершенно рушится, что оно выкорчевывается с корнем.

Поэтому такие первоначально революционные писатели, как Сейфуллина и Вс. Иванов, дают произведения, где явно чувствуется правый уклон (Сейфуллина — «Выхваль», Иванов — «Особняк»). Ряд писателей определенно выражает колебания в сторону кулака или явные симпатии кулаку (например, Шишков — «Дикольче»).

Учитывая это, и передвижник и библиотекарь должны чрезвычайно осторожно относиться к мелкобуржуазной литературе.

Может возникнуть вопрос, почему вообще предоставляется возможность развиваться попутчикам. Может быть, надо издавать только произведения пролетарских писателей, а всякую иную литературу — ликвидировать? Нет, политика партии в области художественной литературы иная. Писатели, хотя бы и непролетарские, но в общем стоящие на платформе советской власти, принимающие Октябрьскую революцию, должны также иметь место в советской литературе. За их частичные разногласия, за неизжитость ими мелкобуржуазной идеологии нельзя воздействовать на них мерами принуждения. Надо их перевоспитывать, втягивать в социалистическое строительство, заражать их грандиозностью задач, необычайностью достижений, энтузиазмом строительства. Только добровольно и искренно убедившись в правильности коммунистического пути, эти писатели смогут дать подлинно-художественные произведения¹⁾.

¹⁾ «Общей директивой должна здесь (т.е. в вопросе о попутчиках. В. Д.) быть директива тактичного и бережного отношения к ним, т.е. такого подхода, который обеспечивал бы все условия для возможно более быстрого их перехода на сторону коммунистической идеологии. Отсеивая антипролетарские и антиреволюционные элементы (теперь крайне незначительные), борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части „попутчиков“ сменевеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма“.

(Из рез. ЦК ВКП(б) о политике партии в области художеств. литературы).

Особенно бережно надо относиться к крестьянским писателям, выражающим социалистические устремления трудящихся масс крестьянства. Как бедняка и середняка мы вовлекаем в колхоз только на основе добровольности, убеждая их в преимуществах коллективного хозяйства, так и их выразителей в литературе мы должны убеждать и перевоспитывать всеми мерами советской общественности, но ни в коем случае не изгонять из литературы¹⁾. И в то время как одни правуют, другие почти вплотную подходят к пролетарской литературе.

Реакционная литература

Помимо попутнической литературы есть литература более «правая», реакционная, выражающая взгляды и стремления классов, разбитых революцией: помещиков, буржуазии, служилого дворянства, кулачества. Эти писатели смотрят на Октябрьскую революцию, как на варварство, не верят в силу пролетариата, считают, что в сущности ничего не изменилось, смеются и издеваются над отдельными недочетами, обобщая их, считая их неизбежными и неискоренимыми, искажают цели и стремления пролетариата. Наоборот, описывая прошлое они представляют его в прикрашенном виде, они затушевывают классовую борьбу, эксплуатацию, они жалеют о барских усадьбах, о старинном укладе жизни. Помещиков, капиталистов, царских чиновников они изображают какими-то невинными агнцами, которые неизвестно за что пострадали от насилия пролетариата.

Сюда относятся Эренбург, Замятин, Булгаков, Клычков, Есенин и др.

Глубокое сожаление о старой кулацкой деревне, притом ярко и искренне переданное, мы находим в стихах Есенина. Все его образы связаны с уходящей Русью, с религиозными представлениями и церковными обрядами, с лихим удальством кулацких сынков.

Вторжение города, пролетариата, машинной техники в деревню Есенин не приветствует, а встречает с горечью. Все это легко подтвердить целым рядом его стихотворений, в особенности стихотворением:

«Я последний поэт деревни». «На тропу зеленого поля скоро выйдет железный гость (т.е. трактор); злак вечерний, зарею пролитый, соберет его черная горсть», с болью, а не с радостью пишет Есенин.

¹⁾ „Крестьянские писатели должны встречать дружественный прием и пользоваться нашей безусловной поддержкой. Задача состоит в том, чтобы переводить их растущие кадры на рельсы пролетарской идеологии, отнюдь, однако, не вытравливая из их творчества крестьянских литературно художественных образов, которые и являются необходимой предпосылкой для их влияния на крестьянство“—(Из резолюции ЦК ВКП(б) о политике партии в области художественной литературы). — Рекомендуем передвижникам ознакомиться с данной резолюцией в целом. Найти ее можно, между прочим, в неоднократно упоминаемой нами книге В. Саянова — „Современные литературные группировки“. См. стр. 188 — 190.

Оторванный от родной социальной почвы, Есенин в городе находит только одно место, достойное посещения — кабак. Отсюда его кабацкие песни, его хулиганство, воспетое им как единственное занятие, которое осталось деклассированному представителю старой деревни.

Данная нами краткая характеристика Есенина показывает, насколько он опасен для нашей молодежи, увлекающейся понятностью и искренностью его стихов. Ведь через эти стихи рабочая молодежь заражается совсем не теми чувствами и стремлениями, которые нужны рабочему классу для строительства социализма.

Впитывая через поэзию Есенина эти образы приукрашенной им деревни, заражаясь настроениями разочарования и упадочничества, отрываясь от современной пролетарской общественности и уходя в свои личные переживания, рабочая молодежь попадает в объятия классового врага, сползает к правому уклону, проводимому агентами кулачества.

К реакционной литературе можно отнести также «мнимореволюционных» попутчиков, которые пытаются бороться с буржуазными предрассудками, но в сущности также проводят буржуазную идеологию. Только то, что буржуазия скрывает, что она облачает в разные «благопристойные» формы, эти писатели считают нормальным, естественным и возводят в закон природы. Иногда они неправильно изображают советскую действительность, рисуют неверные образы коммунистов, приписывая им, как истинно-коммунистические черты, такие свойства, размышления, переживания, которые и несвойственны и недостойны настоящего большевика.

К таким авторам можно отнести Слезкина, Пантелеймона Романова, Гумилевского, Глеба Алексева и др. О них очень метко сказал один критик: «Они не отстают от революционной действительности, но только для того, чтобы повредить ей». (Книга и Революция, стр. 3, № 21-22, 1930 г.)

Понятно, по идеологическим соображениям, в передвижке не должно быть произведений ни мнимореволюционной, ни реакционной литературы. Вообще говоря, реакционные произведения имеют для нас некоторое значение, показывая нам врага, каков он есть, открывая его планы, его новые устремления и т. п. Но работа с этой литературой, выбор читателя, которому она будет безвредна, — все это слишком трудно для передвижника. Поэтому не только из передвижек, но и из стационарных библиотек большая часть подобной литературы должна быть изъята, чтобы она не послужила возможным источником распространения классово-враждебной пролетариату идеологии.

Переводная беллетристика

Еще большую осторожность надо проявить в подходе к иностранной (переводной) литературе, которая (за исключением, понятно, пролетарской) выражает по преимуществу неприкрытую буржуазную идеологию. Особенно опасны такие

авторы, как Локк, Уэдсли, Кэвуд, которые заражают читателя мещанством, стремлением к собственному благополучию, к «красивой» жизни, повествуя о благородных лордах, об изящных молодых дамах, об их нарядах и развлечениях, об их домашней обстановке и т. п. Эти аристократы и буржуа, тонко чувствующие, умеющие со вкусом одеваться, благородно разрешающие всякие житейские драмы, преподносятся как образцы, достойные подражания. Умело в литературном смысле — в расчете на спрос мелкобуржуазной публики — сделанные романы этих писателей могут отравить сознание неискушенного читателя или читательницы, заставить их вздохнуть: «вот, мол, как живут люди!», отвлечь от наших настоящих задач.

Недаром эти романы спрашивают читатели, желающие отвлечься от современной действительности. Очевидно, наша действительность с ее напряженной борьбой за осуществление тех задач, которые стоят перед пролетариатом, в известной мере чужда таким читателям, а дальнейшее чтение таких романов еще более будет усиливать это отчуждение.

Опасен своею защитой империализма Клод Фаррер, своею мнимой борьбой с буржуазными предрассудками Виктор Маргерит, непонятны и чужды рабочему читателю такие утонченные писатели как Марсель Пруст, Стефан Цвейг, Честертон и др. Вместо них любителям иностранной переводной беллетристики передвижник должен давать революционных пролетарских писателей Западной Европы и Америки. Из них особенной рекомендации заслуживают следующие: Эптон Синклер («Джимми Хиггинс», «Король уголь», «Дебри», «Нефть» и др.), Уэлш («Подземный мир», «Морлоки»), Бела Иллеш («Тисса горит», «Барак № 43»), Бруно Ясенский («Я жгу Париж»), Хашек («Приключения бравого солдата Швейка»), Курт Клебер («Пассажиры III класса»), Петцольд («Суровая жизнь»), Анна Зегерс («Восстание рыбаков»), Гаральд Хэзлуп («Под властью угля»), Лорбеер («Человека истязают»), Ольбрахт («Анна-пролетарка»), Грюнберг («Пылающий Рур»), Барбюс («В огне»), и др.

Из иностранных писателей особенным успехом у наших читателей пользуется Джэ к Л о н д о н. Произведения Джэка Лондона большей частью рисуют образы сильных людей, смело борющихся с природой, отстаивающих до последней капли крови свою жизнь. Эти произведения внушают читателю чувство бодрости, энергии, зовут его к борьбе. Один из таких рассказов Лондона («Любовь к жизни») очень понравился Владимиру Ильичу. (см. сборник «Ленин и искусство», сост. С. Д. Дрейден. 1929. Театкинопечат, стр. 92¹⁾).

Но цели этой борьбы у Лондона — чисто личные, направленные к защите или к преуспеянию отдельной личности. Поэтому его лучший роман «Мартин Идэн» кончается трагически: выбив-

¹⁾ „За два дня до смерти читала я ему вечером, — рассказывает Н. К. Крупская, — рассказ Джэка Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — „Любовь к жизни“. Сильная очень вещь. Через снежную пустыню,

шийся из рабочей среды Мартин, достигнув положения в буржуазном обществе, приходит в окончательном итоге к самоубийству. Его не удовлетворяет достигнутое им личное благополучие, буржуазные идеалы его не прельщают, но никаких других у него нет, так как он оторвался от своей социальной почвы, от своего класса, и интересы пролетариата стали ему чуждыми. В ряде романов Лондон стоит на буржуазной точке зрения («Сердца трех», «Мятеж» или «Мятеж на Эльсиноре», «Маленькая хозяйка большого дома», «Сын солнца» и др.), восхваляя буржуазные представления о долге, превознося сильную личность, презрительно относясь к цветным народностям и т. д. Иногда, дав прекрасную картину социальной борьбы, Лондон указывает совершенно неправильный выход, например, в романе «Земля обетованная» (иначе «Лунная долина») рабочий, устав от классовой борьбы в городе, от забастовок и локаутов, стремится уйти на лоно природы и становится фермером.

Отсюда видно, что Джека Лондона нельзя считать безусловно рекомендуемым. Нужно некоторых его произведений избегать совсем (например, «Сердца трех», «Мятеж»), а остальные давать с раз'яснениями.

Рекомендовать можно из произведений Джека Лондона — «Железная пята», «Смок Беллью», «Дорога» («Мои скитания»), «Любовь к жизни», «Мексиканец», «А-чо».

Последний рассказ, рисующий картину расстрела ни в чем неповинного китайца, так сказать, однофамильца настоящего виновника, особенно сильно написан и может быть использован для громкого чтения.

Классики

До сих пор мы рассматривали современную социальную беллетристику. Особо следует поставить вопрос о так называемых классиках русской и мировой литературы. Это — писатели, достигшие особого совершенства в смысле художественности, особенно полно выразившие и отразившие свою эпоху, читаемые сотни лет, в то время как другие писатели — их современники — уже забыты и читаются только специалистами-литературоведами.

К классикам русской литературы относятся Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Успенский, Чехов и др.

в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду, больной человек. Слабеют у него силы, он не идет, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемежаются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попался совершенно другого типа, пропитанный буржуазною моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой. (Н. К. Крунская. — «Что нравилось Ильичу из художественной литературы»).

К классикам мировой литературы относятся Данте, Шекспир, Сервантес, Свифт, Раблэ, Мольер, Шиллер, Гетте, Байрон, Гюго, Диккенс, Золя, Мопассан, Анатолий Франс и др.

Все они дают высокие образцы художественного мастерства, но, относясь к прошлому, естественно, не могут выражать идеологию современного пролетариата. Поэтому на первый взгляд может показаться, что вследствие их чуждой идеологии мы должны совершенно отбросить классиков и читать только современную революционную беллетристику. Однако это было «левым» заблуждением в разрешении вопроса.

Против таких слишком левых революционеров направлены слова Ленина о пролетарской культуре: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить...»

Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (из речи на III Съезде РКСМ).

Отсюда можно сделать вывод, что, как и все лучшие достижения буржуазной культуры, должны быть восприняты и переработаны пролетариатом также и классические произведения художественной литературы.

Нужно учиться у классиков, но не рабски подражая им, а критически воспринимая, перерабатывая, беря лучшее, что может быть использовано, отбрасывая все устаревшее. Нужно, например, учиться у классиков писать, но не их стилем, а вырабатывать такой же подходящий для выражения пролетарской идеологии стиль, какой прежние писатели вырабатывали для выражения идеологии своего класса.

Для чтения из классических произведений нужно брать самые художественные произведения, отражающие идеологию буржуазии той эпохи, когда она была революционна; надо брать те произведения, где действительность дана наиболее правдиво, где она не искажена реакционными взглядами автора или его слишком узким классовым подходом, чтобы нельзя было восстановить правильной картины, учтя идеологию писателя.

Мы возьмем, например, «Мертвые души» Гоголя, где показана в неприкрашенном виде мелкопомещичья крепостная Россия, но отвергнем его же «Переписку с друзьями», проникнутую духом христианского смирения и религиозного ханжества.

Мы возьмем, например, «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение» Толстого, но его «Евангелие», его религиозно-философские произведения с проповедью непротивления злу, опровержения мы отвергнем, как ненужные и вредные для рабочих-читателей. Но и с теми произведениями, которые мы изберем как лучшие, при выдаче их мы должны будем непременно вести разъяснительную работу, давать читателю марксистскую критическую литературу, беседовать с читателем и показывать ему настоящий

смысла, классовую природу «вечных» истин и идеалов того или другого классика.

Особенно рекомендуется из русских классиков продвигать стихотворения Некрасова, как и по форме понятные для самого широкого круга читателей, так и по содержанию звучащие революционно, заклеивавшие сильно и ярко дворянско-буржуазную Россию. Поэтому, например, Алтаузен в «Литературном манифесте», обращаясь к классикам, говорит о Некрасове:

Мы многих чтим из вас
За звон, за стих тугой.
Но он роднее нам,
Из вас из всех он ближе,
Из дорогих он самый дорогой.

Не перечисляя здесь всех рекомендуемых и nereкомендуемых классических произведений, мы дадим передвижнику несколько практических советов:

1) Не брать тех классиков, особенно более старых, которые могут оказаться вообще непонятными для рабочего читателя, так как для понимания классиков требуется знание их эпохи. Поэтому, например, Данте или даже Шекспир могут оказаться ненужными для передвижки в виду их недоступности для неподготовленного читателя.

2) Не брать для передвижки многотомных полных собраний сочинений, где на ряду с прекрасными вещами есть вещи прямо вредные или неинтересные.

3) Избегать произведений классиков в старых дореволюционных изданиях и в общем руководствоваться сериями ГИЗ'а: «Дешевая библиотека классиков» и «Русские и мировые классики».

Наконец, передвижник должен также учесть то обстоятельство, что классики требуются многим читателям в целях учебы, при прохождении курса истории литературы. Поэтому иногда могут иметь большой спрос произведения, не интересные для массового читателя (например, «Недоросль» Фонвизина), но входящие в учебные программы по русскому языку и литературе.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что означает требование идеологической выдержанности художественного произведения с нашей точки зрения?
2. Что такое пролетарская литература, и как с ней работать?
3. Что такое буржуазная литература, и как с ней работать?
4. Что такое мелкобуржуазная литература и как с ней работать?
5. Каковы главные представители современной пролетарской литературы?
6. Как работать с иностранной переводной беллетристикой?
7. Как работать с классиками?

4. Социально-воспитательная ценность беллетристической книги

Мы рассмотрели со стороны идеологической важнейшие разделы социальной беллетристики (современная и классическая, русская и иностранная) и определили, какого рода книги особенно

необходимы, какие менее необходимы и какие совсем непригодны для передвижки в каждом из этих разделов.

Повторяем, что выяснение идеологической ценности книги должно быть первым и наиболее существенным моментом при отборе ее для передвижки. Только после этого надо производить отбор книг по признакам доступности и занимательности, применительно к читателям данной передвижки. Если библиотекарь или передвижник поступит таким образом, т. е. при подборе книг учтет все требования идеологической выдержанности, доступности и занимательности, то в основном комплектование будет произведено правильно.

Однако при работе с такими книгами все-таки могут произойти недоразумения, все-таки может получиться не тот результат, которого мы ожидаем.

Например, если мы дадим роман Чумандрина «Родня» деревенскому читателю, то ему может показаться, что автор в этом романе пренебрежительно относится к крестьянству, что он превозносит рабочих и унижает крестьян. Таким образом, роман Чумандрина, полезный и рекомендуемый для рабочих библиотек, может оказаться вредной книгой для политически недостаточно развитого крестьянина.

Другой пример: особых возражений не вызвала книга Яковлева «Их жизнь» (о беспризорных). Однако из практики одного библиотекаря известен случай, когда эта книга побудила бывшую беспризорную, ставшую работницей, бросить работу и опять вернуться к беспризорным. Это получилось от того, что в книге очень ярко изображена жизнь беспризорных и очень бледными вышли пионеры.

Бывает так, что автор, рисуя разложение буржуазии или зверства белого террора, слишком останавливается, слишком подчеркивает картины разврата, попок, убийств, истязаний и т. п. Писатель имеет в виду вызвать отвращение, презрение, ненависть к эксплуататорам и насильникам. Но нарисованные автором картины, действуя на чувство и воображение читателя, вызывают в нем интерес как раз к тем нездоровым явлениям, которые бичует писатель. По мере чтения подобных книг этот интерес у читателя укрепляется, и удовлетворения ему читатель начинает искать в любой книге или даже в бульварных романах, в порнографической литературе.

Опасность такого нездорового влияния особенно велика по отношению к молодежи, к подрастающему поколению, поэтому, давая подростку какую-либо книгу, вообще вполне рекомендуемую, мы должны проверить — не может ли она быть вредной в смысле возбуждения нездорового полового чувства, чувств жестокости, кровожадности и т. п.

Наконец, может быть такой случай, что библиотекарь выдает книгу, которая не принесет никакого вреда, но вместе с тем и не будет наилучшим ответом на интересы читателя и не будет наиболее желательным ответом с точки зрения задач, стоящих перед библиотекой,

Предположим, мы даем комсомольцу роман Платошкина «В дороге». Как будто тут нет никакой ошибки со стороны библиотекаря. Но если выясняется, что данный комсомолец мало интересуется вопросами быта, а больше — производством, и ищет в художественной литературе отражения этих вопросов, то станет очевидной двойная ошибка библиотекаря: он и читателя не удовлетворил, и не осуществил одной из задач профсоюзной политпросветработы — «поворота лицом к производству». Между тем, дав этому читателю такие книги, как «Туннель» Келлермана, или «Цемент» Гладкова, или «Доменную печь» Ляшко, или «Болтовню» Овалова, или даже «Дружбу» Дмитриева (несмотря на ее существенные недостатки), библиотекарь мог бы способствовать дальнейшему развитию производственного энтузиазма данного рабочего.

Из этих примеров, из этих ошибок, происшедших в силу того, что не были учтены особенности читателя и основные задачи библиотечной работы, мы можем сделать следующий вывод: для правильного использования книги, помимо установления ее идеологической выдержанности, доступности и занимательности, нужно еще дать ей верное направление, а именно, — чтобы она воспитывала данного читателя в духе тех задач, которые мы ставим по отношению к той социальной группе, к которой принадлежит читатель.

Таким образом, нам, оказывается, необходимо учесть также социально-воспитательное значение книги, иначе говоря, нам нужно ясно представлять себе, какие задачи надо преследовать по отношению к каждой из групп читателей и каких ошибок надо избегать.

Мы здесь возьмем только те задачи, которые можно осуществить путем беллетристического чтения, и будем касаться только тех групп читателей, по отношению к которым эти задачи встают особенно настоятельно¹⁾.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С БЕЛЛЕТРИСТИКОЙ

Распространен взгляд на беллетристику, как на легкое чтение, которое должно дать отдых читателю.

Распространен также взгляд, что беллетристика должна способствовать общему развитию человека, дать ему возможность испытать до сих пор неизведанные им чувства, расширить его умственный кругозор и т. д.

Однако ни тот ни другой подход к беллетристике не связывает ее с задачами текущего дня. Между тем, как мы говорили

¹⁾ Специально о малограмотных читателях и о работе с ними сказано в уроке „Книга в помощь ликвидации неграмотности“, поэтому наша установка будет главным образом на средне-развитого читателя.

уже выше, художественная литература (и вообще искусство) должна организовывать идеологию своего класса, должна явиться одним из идеологических орудий классовой борьбы. Поэтому вопреки двум первым взглядам надо и чтение беллетристики поставить таким образом, чтобы при этом преследовались и достигались те же цели, которые стоят перед всей культурно-политической работой.

Эти цели в основном сводятся к следующим: классовое пролетарское воспитание, интернациональное воспитание, подготовка кадров, борьба за новый быт, за нового социалистически-настроенного человека ¹⁾).

Классовое воспитание

Классовое воспитание пролетариата заключается в том, чтобы вызвать у него сознание единства своего класса и противоположности его интересов интересам буржуазии, помещиков и других эксплуататоров; в том, чтобы помочь пролетариату осознать особые стоящие перед ним задачи и мобилизовать его силы и внимание на борьбу за преодоление трудностей, на борьбу за новые социалистические формы труда.

Для этого необходимо давать книги, рисующие положение рабочего класса и крестьянства в России до Октября, гнет крепостного права, капиталистическую эксплуатацию, с одной стороны; с другой стороны, давать книги, рисующие революционную борьбу рабочих и крестьян, картины нового строительства фабрик, заводов, колхозов, завоевания рабочего класса. С одной стороны, могут быть использованы некоторые произведения классиков (Некрасов, Салтыков-Щедрин, Успенский, Тургенев — «Муму», Лесков — «Тупейный художник» и др.) и ранних пролетарских писателей (Лазарев-Темный — «Собачья доля»; Нечаев — «Гуга», рассказы Серафимовича, рассказы Горького), с другой стороны, — вся современная пролетарская литература, о которой мы говорили выше.

К указанным выше книгам добавим еще произведение Ив. Катаева «Сердце», рисующее нового кооператора, Овалова — «Болтовня», рисующее старого рабочего, приходящего к партии на основе производственных интересов.

Особенно четко надо проводить классовое воспитание по отношению к новым кадрам рабочих, недавно пришедших из деревни, не избавивших еще отсталых настроений, собственнических стремлений.

Для таких подходят книги на деревенские темы, рисующие борьбу с кулаком, возникновение колхозов и пр. Особенно можно рекомендовать «Двор» Караваевой.

В работе с отсталыми группами женщин надо исходить из книг, рисующих положение женщин в прошлом, ее современное

¹⁾ Мы не касаемся вопроса об использовании беллетристики в целях антирелигиозной пропаганды, так как этот вопрос разобран в уроке Тарарова. — «Антирелигиозная книжка в передвинжке». Там же дан список беллетристики на антирелигиозные темы.

положение за границей, положение женщин в СССР. Тут для слабо читающих нужно брать рассказы Неверова, Дорохова, Горького — «Скуки ради», Поленца — «На заработках» и др.¹⁾

В работе с молодежью лучше всего начинать с социальной романтики, с революционных приключений, например, Алексеев — «Большевики», Дорохов — «Колчаковщина».

Для классового воспитания молодежи, не заставшей старого строя, не видевшей ни купцов, ни помещиков, ни городских, рекомендуется брать произведения на темы о борьбе рабочего класса со старым строем: Васильченко — «Приключения подпольщика», Иванов П. — «От станка к баррикадам», «Сухая гильотина», Бирик, Бессалько, Евдокимов — «Колокола», переводя к Дорохову и Алексееву, а от них — к Либединскому, Фурманову, Фадееву и т. д.

Читателям, достаточно развитым в смысле общего образования, но малообщественным (например, специалисты, служащие), надо сразу давать серьезные, высокохудожественные произведения о гражданской войне и новом строительстве (Шолохов, Панфилов, Фадеев), а также наиболее выдержанные и наиболее художественные произведения попутчиков (Федин «Города и годы», Леонов «Барсуки»).

Интернациональное воспитание

Необходимой частью классового воспитания является воспитание интернациональное, направленное к тому, чтобы вызвать и укрепить сознание единства трудящихся всего мира и необходимости их объединения в борьбе с общим врагом — капиталистами.

На этом вопросе, поскольку мы раньше мало его касались, мы остановимся несколько подробнее.

Основным материалом для пропаганды международной общности интересов рабочего класса должна служить современная иностранная революционная и пролетарская литература, такие писатели, как Эптон Синклер, Бела Иллеш, Барбюс, Клебер, Лорбеер, Джо Корри («Последний день») и др. Картины тяжелого и бесправного положения западно-европейских и американских рабочих, изображение предательской роли реформистских профсоюзов, образы замученных и преследуемых революционеров-рабочих, картины фашистского террора, картины классовых боев — все это должно вызвать в рабочем читателе сочувствие и желание помочь зарубежным братьям, ненависть к капиталистам, стремление укрепить мощь СССР, как основной крепости пролетариата, как его истинного отечества.

Также сильным средством для интернациональной пропаганды являются те романы, в которых показано, как буржуазия «разрешает» национальный вопрос, как она преследует у себя

¹⁾ На эту тему есть много сборников (например, три сборника «Красные платочки», сборник «К новой жизни» изд. ВЦСПС и др.).

негров, китайцев и др. национальные меньшинства. Здесь мы видим соединение капиталистического гнета с национальной отчужденностью, шовинизмом, презрением к якобы низшим народностям. Для нас, однако, ясна классовая природа этих узконационалистических настроений, подогреваемых и поддерживаемых правящими классами в целях раз'единения трудящихся масс, в целях отвлечения их внимания от революционной борьбы в сторону национальной розни.

Недавно в Сталинграде американские рабочие Нунс и Браун избили негра Робинсона за то, что он обедал с ними в одной столовой и не захотел уйти по их требованию. Этот случай показывает, как сильно буржуазия затемняет классовую сознательность пролетариата узконациональными взглядами.

Правдивое изображение того, как буржуазия угнетает отдельные национальности не только в колониях, где она себя чувствует в роли завоевателя, но и у себя дома — в царстве хваленной культуры и демократии, «гуманности» и «равноправия», — должно вызвать также ненависть к угнетателям и сочувствие к угнетенным и послужить целям интернационального воспитания.

На эти темы можно рекомендовать сборник «Черный костер» (о неграх в Америке), роман Уолтера Уайта («Огонь из кремня» или «Удар по камню»), рассказ Лондона («А-ЧО», о казни невинно осужденного китайца).

То же национальное угнетение имело место в дореволюционной России, и особенно сильно оно выражалось в антисемитизме, в еврейских погромах, организаторами которых была правительственная партия — черносотенцы. Этот в течение долгого времени питаемый и раздуваемый царским правительством антисемитизм сохранился и до сих пор в отсталых группах трудящихся, как один из пережитков, затемняющий пролетарское самосознание. Борьба по этой линии — против антисемитизма — есть также борьба за интернациональное воспитание и должна вестись библиотекарем и передвижником непрерывно и неустанно.

При этом библиотекарь должен особое внимание обратить на отсталые слои читателей, недавно пришедших из деревни, на жен рабочих, теснее связанных с мещанскими слоями населения, чем их мужья, на сезонников, на малограмотных и пр.

Нужно продвигать к таким читателям книги, рисующие ужасы погромов, бедственное положение трудящихся евреев и пр., например, Короленко — «Дом № 13», Бабель — «История моей голубятни», Шолом-Алейхем — «Кровавая шутка» и др.¹⁾

Но тут же следует предостеречь от тех книг, которые могут быть поняты читателями как проповедь антисемитизма, в которых недостатки героев изображаются так, что читатель может их истолковать как национальные недостатки (например, Крептюков «Пух-перо», Ройзман «Минус шесть»). Нежелательны также книги слишком жалостливые, вызывающие только сострадание, но

¹⁾ Подробный список художественной литературы на тему о борьбе с антисемитизмом приведен в «Красном библиотекаре». 1929 г. № 5 — 6.

не указывающие выхода, представляющие антисемитизм как естественное, неизбежное зло, — такое же, как, например, уничтожение хищниками слабых животных. Такого рода рассказы есть в сборнике «Жид» (назван по имеющемуся в нем одноименному рассказу Мачтета, выпущен изд. «Пучина» в 1929 г.), который получил поэтому совершенно отрицательную оценку и не должен даже допускаться в рабочую библиотеку.

Помимо антисемитских настроений, с давних пор царским правительством насаждался великорусский шовинизм, презрение к другим национальностям, особенно национальностям, угнетенным русским империализмом (украинцы, белоруссы, кавказские народы, киргизы, башкиры, узбеки и т. д.). Эти настроения, отделяющие нас от наших национальных меньшинств и от союзных национальных республик, должны быть решительно искоренены. Тут одним из средств является, в частности, продвижение книг, которые рисуют жизнь отсталых народностей и показывают, как царское правительство и господствующие классы держали их в самом подневольном положении, эксплуатировали, спаивали, обманывали, пользуясь их невежеством и религиозными предрассудками. К таким произведениям относятся романы и рассказы Тана, некоторые рассказы Вс. Иванова, роман Сытина — «Пастух племен» и его же рассказы из жизни туркестанских народностей. Но при всем желании наши русские беллетристы не всегда точно изображают быт и психологию нацменьшинств. Поэтому большую ценность имеют произведения, взятые из литературы самих народностей, издаваемые Гизом в виде серии «Творчество народов СССР». Правда, многие книги этой серии бледны и скучны для читателя с утонченным вкусом, иногда трудны, в виду своеобразия описываемого быта, для среднего читателя. Однако продвижение этих подлинных выразителей нацменьшинств не только дает нашему читателю точные сведения о жизни данной национальности, но и показывает ему культурный рост этой национальности, разбивает предрассудок о ее неспособности к усвоению современной культуры, уничтожает представление о великорусском национальном превосходстве.

Работа с серией «Творчество народов СССР» трудна и трудна часто именно по имеющемуся у читателей шовинистическому предубеждению против литературы нацменьшинств, но эта работа обязательна для библиотеки, которая ставит себе целью интернациональное воспитание. Из книг этой серии укажем следующие: рассказы Франко (из украинской жизни), Амур-Санан — «Мудренки сын» (из жизни калмыков), Бакунц — «Темное ущелье» (из жизни армян). На ряду с ними можно рекомендовать не входящие в названную серию книги: Шилин — «Страшная Арват» (из жизни советского Азербайджана), Бядуля — «Соловей» (белорусские рассказы), Лола-Хан «Падающий минарет» и «Маки цветут» (из узбекской жизни).

Особое замечание необходимо сделать о работе библиотек, обслуживающих национальные меньшинства. В данном случае под предлогом интернационального воспитания никоим

образом нельзя снижать или ослаблять продвижение национальной литературы, как самой близкой данным народностям, на их национальном языке, как наиболее понятном для самых широких масс.

Широко охватить библиотеками трудящихся национальных меньшинств возможно только путем привлечения их близкой и понятной им книгой на их родном языке. Таким образом, если библиотекарь не любит и недооценивает работы с национальной литературой, то он тем самым значительно затрудняет осуществление культурной революции среди нацменьшинств. К этому вопросу надо подходить диалектически и помнить, что только полное развитие национальных культур, придавленных господствующей нацией, обеспечит широкий культурный подъем этих в массе отсталых народностей. Библиотекарь, да и всякий политпросветработник, должен помнить, что в данном случае путь к интернационализму лежит через перевал высокой национальной культуры, освобожденной, понятно, от всяких буржуазных и феодальных примесей, и проникнутой социалистическим содержанием.

По вопросу о национальной культуре тов. Сталин так сказал в речи на XVI Партс'езде:

«Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции ¹⁾, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре» ²⁾.

Эту установку необходимо твердо усвоить каждому библиотекарю и передвижнику, которому частично или полностью приходится работать среди национальных меньшинств.

Такова в общих чертах работа библиотеки по интернациональному воспитанию среди различных групп пролетариата: к развитым рабочим, преодолевшим национальные предрассудки, надо подходить с книгами, усиливающими сознание единства трудящихся в мировом масштабе; отсталых рабочих надо вести к той же цели через преодоление еще неизжитых ими настроений

¹⁾ Т.-е. возможности.

²⁾ Политотчет XVI Партс'езду, стр. 85.

антисемитизма и шовинизма; массы нацменьшинств надо вести к той же цели, не отрывая их от их национальной почвы, подходя к ним с понятной для них национальной литературой, разумеется, при этом социалистической по содержанию (в противном случае возникает опасность впасть в уклон к местному национализму).

Отсюда для передвижников, работающих среди национальных меньшинств, вытекает правило продвигать в первую очередь национальных пролетарских и революционных писателей, например, из белорусских — Янко Купалу, из украинских — Ивана Франко, из армянских — Акопа Акопяна и т. д.¹⁾

Беллетристика в помощь подготовке кадров

Уже раньше мы упоминали о том, что чтение беллетристики может способствовать развитию интереса рабочих к производству в целях социалистического строительства (см. стр. 20). Заражая читателя производственными настроениями, воодушевляя его картинами разветвляющейся социалистической стройки, библиотекарь выполняет в известной мере задачу подготовки кадров, так как такого читателя нетрудно перевести к технической литературе по его специальности и тем самым поднять его квалификацию.

Однако этот случай можно рассматривать только как часть работы библиотекаря по подготовке кадров. Более общим и более широким способом участия библиотекаря в создании новых кадров является пропаганда активности, самодеятельности, стремления к самообразованию, к учебе, к общественной работе, словом, пропаганда, направленная к более широкому развитию личности читателя, к усилению его роли во всех областях социалистического строительства. Этот интерес возбуждается и вызывается прежде всего романами и рассказами о сильных и смелых людях, которые не останавливались ни перед какими препятствиями для достижения своей цели, о самоучках, которые потом и кровью приобретали знания, и т. д.

Этот интерес особенно свойственен молодежи, и удовлетворить его можно такими книгами, как Горький — «Детство», «В людях», как полубеллетристические, полунаучные рассказы о жизни знаменитых ученых, путешественников, изобретателей (Стефенсон, Эдиссон и др.).

Однако при удовлетворении этого интереса сейчас же возникает опасность такого рода: читатель может устремиться к развитию в своих узких, личных целях — выбиться в люди, стать обеспеченным и т. д.

Именно такие мотивы проскальзывают в многочисленных буржуазных произведениях на тему о том, как какой-нибудь газетчик становится миллионером.

¹⁾ Краткие сведения о национальных литературах можно найти в книге В. Саянова. — «Современные литературные группировки». Изд. 2-е «Прибой» 1930. См. стр. 161 — 167.

Эту опасность надо учитывать библиотекарю, и читателя, стремящегося к саморазвитию, надо вовлекать в чтение таких произведений, где показана работа не в одиночку, не в своих личных интересах, а с коллективом и в интересах коллектива. Такими книгами являются рассказы о революционерах, которые не только свое развитие связывали с борьбой за дело класса, но и отказывались даже от своего развития, если это мешало их революционной работе (например, Кибальчич и др.).

Понятно, тут невозможно ограничиться только беллетристикой в роде Библика, Бессалько, Ляшко, Вольнова, Горького и др., тут надо также широко пользоваться историко-революционными воспоминаниями, показывающими, как развивались революционеры, не прекращая своей борьбы, используя в целях борьбы все приобретаемые ими знания.

Таким путем нужно направлять общий интерес читателя к саморазвитию и самообразованию.

Помимо такого общего интереса — иногда на основе его, иногда как подход к нему — надо возбуждать в читателе интерес к научным знаниям по тому или другому вопросу (например, к естественным наукам, к общественным наукам и т. д.). Некоторые библиотекари считают, что беллетристика вообще может служить только приманкой, а раз читатель привлечен к чтению, нужно его от беллетристики целиком перевести к чтению научных книг. Такой взгляд неправилен. Из всего предыдущего видно, что беллетристика сама по себе может дать много в смысле классового воспитания читателя, и потому нельзя совершенно отводить ее на задворки. Но, понятно, еще большей ошибкой является забвение научных книг и продвижение исключительно беллетристики: это значит — идти по линии наименьшего сопротивления, плестись в хвосте за отсталыми читателями. Весь вопрос в том, насколько нужно продвигать беллетристику и какую именно беллетристику. Надо добиваться того, чтобы беллетристика составляла не более 20—30% всей выдачи книг из библиотеки и чтобы продвигались те беллетристические книги, которые иными способами ведут нас к тем же целям, что и научная литература, — к основным целям нашей культурно-политической работы, в том числе — к созданию новых кадров строителей социализма.

С этой стороны беллетристику можно рассматривать как один из возможных мостов к научному чтению, который надо не забывать в ряду прочих (лекции, экскурсии, театр и пр.).

Интерес к естественным наукам, к технике вызывают романы научно-фантастические и приключенческие, главным образом, Жюль Верна, Герберта Уэльса, Майн-Рида и др.

Например, романы Жюль Верна «Путешествие на луну» и Уэльса «Первые люди на луне» могут заинтересовать читателя вопросами астрономии, романы Майн-Рида «Ползуны по скалам», «Охотники за растениями» могут привлечь к чтению книг о жарких странах, от «Путешествия капитана Гаттераса» Жюль Верна не трудно перевести к путешествиям Нансена, Шекльтона, Амундсена и др. полярных исследователей.

Интерес к общественным наукам вызывают исторические романы и современная социальная беллетристика. Например, от Степняка-Кравчинского можно перевести к книгам по истории народовольческого движения, от беллетристики на темы гражданской войны — к воспоминаниям участников, к истории Красной армии, от «Лесозавода» Караваевой и «Онегостроя» Вигдоро- вича — к брошюрам и книгам о гигантах нашего строительства (Волховстрой, Днепрострой, Турксиб и др.), от «Ледолома» Гор- бунова и «Брусков» Панферова — к брошюрам о ликвидации кула- ка как класса на базе сплошной коллективизации. Но этот перевод нельзя рассматривать как полное отвлечение от беллетристического чтения. Это есть его необходимое дополнение и развитие.

Почему же необходимо такое дополнение? Может быть, оно вовсе не нужно? Некоторые утверждают, например, что беллетри- стика имеет свою научную или, как говорят, познавательную ценность, что она может служить известной заменой научных книг. Читатель не хочет ничего читать, например, по истории революционного движения или, например, о крепостном праве. Библиотекарь дает ему «Капитанскую дочку» Пушкина или «За- писки охотника» Тургенева, и читатель начинает разбираться в пугачевском бунте, в крепостном праве, читатель уже что-то знает об этих исторических эпохах. Однако такое рассуждение неправильно. Мы знаем, что художник, изображая жизнь, окра- шивает ее в цвета классовой идеологии. Поэтому по описаниям дворянских писателей нельзя представить себе достаточно пра- вильно ни пугачевского бунта, ни крепостного права. Надо дополнить «Капитанскую дочку» Пушкина и «Записки охотника» Тургенева чтением Покровского («Русская история в самом сжа- том очерке»), Коваленского («Вчера и сегодня»), Кравченко («В борьбе за лучшую жизнь»). Также и научно-фантастические романы Жюль Верна и Г. Уэльса, авторы которых нередко отсту- пают от точных научных данных, надо дополнять чтением строго научных книг.

Менее всего в дополнении с целью исправления нуждаются пролетарские писатели. Но и здесь продвижение научной лите- ратуры необходимо для углубления интересов читателя, для сообщения ему фактических данных, для научного обоснования вызываемых пролетарской литературой настроений классовой борьбы и социализма.

Итак, рассматривая, какую пользу может принести беллет- ристика в смысле подготовки кадров, мы приходим к следующим выводам:

- 1) нельзя совершенно отбрасывать беллетристику и отри- цать ее воспитательное и познавательное значение;
- 2) нельзя также считать беллетристику заменой научных книг, так как знания, даваемые беллетристикой, не есть точные научные знания;
- 3) беллетристикой надо пользоваться для создания общего стремления к саморазвитию и для привлечения внимания чита- теля к научным вопросам;

4) научной литературой надо исправлять, дополнять и углублять интерес к тем или другим вопросам возбужденным чтением беллетристики.

Борьба за новый быт

В настоящее время идет жестокая борьба между остатками буржуазного и мещанского быта и нарождающимся новым, социалистическим бытом. Читатель часто ищет в романах и рассказах ответа на волнующие его бытовые вопросы: о браке, о семейной жизни, об отношениях между отцами и детьми, о столкновении общественных и личных интересов и т. п. Правдивое художественное изображение новых людей, новых отношений, наглядное разрешение тех или других бытовых вопросов часто убеждают читателя гораздо больше, влияют на него гораздо сильнее, чем отвлеченные научные рассуждения о социалистической морали. Таким образом, художественная литература может быть сильным оружием для преодоления старых предрассудков и для пропаганды нового быта.

Работая в этом направлении, надо обратить внимание прежде всего на то, чтобы искоренить в читателе такие остатки некультурного, дикого быта, как пристрастие к алкоголю, хулиганство, грубое отношение к женщине, самодурство в семье, бессмысленная жестокость, изуверство и т. п. Понятно, что литературу такого рода, ярко показывающую гибельность и нелепость этого наследия невежества и темноты, надо продвигать к читателю из отсталых слоев рабочих, к рабочим, только что пришедшим из деревни, к малограмотным и проч. Но как мы говорили уже выше, нужно помнить, что иногда слишком красочное описание каких-либо сцен разгула, разврата, дикой расправы вместо того, чтобы вызвать у читателя протест, может заразить читателя нежелательными настроениями. Поэтому лучше, не продвигая особенно литературу, рисующую все гнусности старого быта и разложения буржуазного общества, продвигать книги о новых людях, о новых товарищеских отношениях между мужчинами и женщинами (Романов — «Черные лепешки»), о советской женщине, вырвавшейся из прежнего бесправного положения (Неверов — «Марья-большевичка»), о беспризорных и хулиганах, переродившихся под влиянием рабочей общественности, о новых сознательных и активных школьниках (Белых и Пантелеев — «Республика Шкид», Огнев — «Дневник Кости Рябцева»). Борясь с такими явлениями, как алкоголизм, хулиганство, половая распущенность, надо также широко использовать научную литературу, убеждая читателя книгами по гигиене, прививая ему интерес к физкультуре, спорту, туризму.

С читателями более развитыми, более образованными, усвоившими известные культурные навыки, надо работать в другом направлении, — надо предохранять их от излишнего увлечения внешней буржуазной культурой. Многие такие читатели, особенно из служащих, из домашних хозяек, не прошедшие школы общественной работы, тянутся к «красивой» жизни, к мещанскому благополучию. В иностранной переводной беллетристике, о кото-

рой мы говорили раньше, они ищут удовлетворения этим запросам, любят читать о нарядах, об изящной обстановке, об обеспеченной нетрудовой жизни (Локк, Уэдсли, Кэрвуд, Хэрст). К таким читателям надо продвигать иностранных и русских классиков, показывающих внутреннюю пустоту и убожество аристократического и буржуазного общества (Диккенс, Золя, Бальзак, Мопассан, Анатоль Франс, Тургенев, Толстой), и современных писателей, вскрывающих эксплуатацию трудящихся, ожесточенную борьбу капиталистов между собой (Эптон Синклер, Лондон — «Мартин Идэн»). Также надо этому увлечению буржуазной культурой противопоставить созданные современной литературой образы людей, приходящих к пролетариату из буржуазной среды, например, «Женщина», «У фонаря» Никифорова, «Седьмой спутник» Лавренева и др.

Особенно трудной и сложной задачей социально-воспитательной работы с беллетристикой является работа с романами на тему о половой жизни. Здесь есть целый ряд книг, которые под видом борьбы с половой распущенностью могут вызвать, особенно у молодежи, обостренный, нездоровый интерес к половым темам, к половому вопросу. Таковы книги Малашкина — «Луна с правой стороны», Гумилевского — «Собачий переулок» и др.

Когда об этих книгах устраивают диспут, то книга тем самым еще больше пропагандируется. Если же такие книги выдаются и принимаются библиотекарем молча, то читатель остается при том впечатлении, которое он вынес от чтения книги. Для того, чтобы изгладить вредное действие такой книги, нужно вести с читателем долгую и серьезную разъяснительную беседу. Эта задача для передвижника будет не под силу. Поэтому такого рода книги должны совсем не допускаться в передвижку. Их надо заменять такими книгами, где автор о половых отношениях говорит достаточно сдержанно, не подчеркивая их, где личные переживания героев переплетаются с их общественной работой, где, наконец, самое разрешение вопроса приобретает общественный смысл. Таковы, например, романы: Платошкин — «В дороге», Кетлинская — «Натка Мичурина» и др.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

- 1) в целях воспитательных из библиотек и передвижек должны быть удалены все романы, могущие создать социально-вредные настроения у читателя;
- 2) надо работать с отсталыми группами читателя по искоренению среди них остатков старого, дикого быта;
- 3) надо работать с образованными, но недостаточно общественно-развитыми читателями, предохраняя их от излишнего увлечения мещанской буржуазной культурой;
- 4) надо особенно осторожно подходить к молодежи, охраняя ее от книг порнографических.

Теперь подведем некоторые итоги.

Мы рассмотрели признаки пригодности беллетристической книги для передвижки: доступность и занимательность для раз-

личных групп читателей, идеологическую выдержанность в духе коммунизма, социально-воспитательную полезность.

Попутно мы разобрали основные виды беллетристики: приключенческую, историческую, социальную, которую разделили на современную литературу и классиков, на русскую и иностранную. Мы выяснили также основные задачи политико-просветительной работы с беллетристикой: что дает беллетристика в смысле классового и интернационального воспитания, в смысле создания новых кадров, в смысле борьбы за новый быт и как в этих направлениях работать с различными группами читателей. Наконец, одновременно мы указывали отдельные приемы работы с беллетристикой. Эти основные правила руководства чтением беллетристики мы сейчас для большей ясности подытожим и повторим.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Как надо работать с беллетристикой в целях классового воспитания рабочих?
2. Как надо работать с беллетристикой в целях интернационального воспитания различных групп читателей?
3. Что дает работа с беллетристикой в смысле подготовки кадров?
4. Как путем продвижения беллетристики бороться за новый быт?

ГЛАВА IV

МЕТОДИКА РУКОВОДСТВА ЧТЕНИЕМ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Использование беллетристики в целях привлечения читателей в библиотеку

Беллетристика часто читается больше любого научного отдела, иногда даже больше всех научных отделов, взятых вместе, если библиотекарь не умеет достаточно продвигать научные книги.

К чтению беллетристики читатель часто подходит как к развлечению. Такой подход, понятно, неправилен, но этот интерес читателей к беллетристике, эту непосредственную тягу к занимательному чтению библиотекарь должен ввести в общее русло политпросветработы и использовать в своих целях прежде всего для привлечения новых читателей в библиотеку, для охвата библиотекой наибольшего числа рабочих, главным образом отсталых, малограмотных, домашних хозяек, подростков.

Для таких читателей весьма подойдет издаваемая Гизом серия брошюр для малограмотных. Особенным успехом среди начинающих читателей пользуются книги: Ширванзаде — «Честь», Франко — «Фрузя» и «Миллион», Лесков — «Тупейный художник» и др. Доступные занимательные романы и рассказы помогут библиотекарю втянуть нечитающего в чтение и постепенно привить ему этот культурный навык.

Но на этом первом, так сказать, агитационном моменте не следует долго задерживаться, тем более, что и сами читатели обычно не любят брошюр, а просят «толстых» книг. Необходимо возможно скорее перейти к более социально-полезным произведениям, отражающим наиболее волнующие вопросы социалистического строительства, коллективизации деревни, нового быта и пр.

Оздоровление читательского вкуса и поднятие интереса на высшую ступень

При этом библиотекарь очень часто сталкивается с отсталым спросом, идущим от читательских интересов дореволюционного прошлого. Библиотекарь думает о классовом воспитании, о продвижении ударной, волнующей советскую общественность книги, а читатель просит «Графиню-нищую» или «Последний поцелуй», какую-нибудь бульварщину, пинкертоновщину или сенсационно-пошлый роман. Вот здесь-то и начинается оздоровительная работа библиотекаря. При этом главное методическое правило — подбирать читателю книгу в том же роде, в каком он просит, но более здоровую и полезную по общему содержанию. Следуя внешне интересу читателя, надо давать ему книги, столь же интересные по форме, но с иным содержанием, чем просимые им авторы. Так, вместо Кэрвуда следует предлагать Джэка Лондона, вместо исторических романов Дюма — романы Гюго, вместо Пинкертона — «Тайну старого дома» Панова и т. п. Давать готовые рецепты тут, понятно, трудно, так как надо учитывать читателя со всеми его социальными и культурными особенностями.

Постепенно переходя к более художественным и социально-содержательным произведениям, надо приучать читателя искать в художественной литературе не только развлечения, но и ответа на возникающие у него вопросы, искать живого, наглядного представления и обобщенного познания современной действительности. В конечном счете надо по отношению к каждому читателю превратить литературу в орудие изменения жизни, в фактор организации идеологии и психологии читателя в духе коммунизма и материализма. Наметить все переходы от одного произведения к другому здесь невозможно. Мы укажем только тот заключительный круг чтения социальной беллетристики, через который надо провести каждого достаточно подготовленного читателя. Произведения эти следующие: о гражданской войне: Шолохов — «Тихий Дон», Серафимович — «Железный поток», Фадеев — «Разгром», Фурманов — «Чапаев»; о социалистическом строительстве: Гладков — «Цемент», Ляшко — «Доменная печь», Никифоров — «У фонаря»; о коллективизации деревни: Панферов — «Бруски», Горбунов — «Ледолом», Караваева — «Лесозавод». Сюда следует также прибавить ряд произведений иностранных писателей, именно: Синклер — «Джимми Хиггинс», Бела Иллеш — «Тисса горит», Юджин Лайонс — «Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти», Хашек — «Приключения бравого солдата Швейка».

Этот круг чтения приучит читателя серьезно подходить к беллетристике и покажет ему современность в изображении пролетарско-революционного искусства.

Перевод от беллетристики к научной литературе

Наконец, работая с беллетристикой, библиотекарь не должен забывать о продвижении научной, в первую очередь полити-

ческой и производственной книги. Понятно, ошибочно было бы рассматривать беллетристику только как введение к чтению научных книг. Но вместе с тем необходимо, параллельно интересу к художественной литературе, создавать в читателе интерес к научной книге, используя при этом наряду с другими подходами и беллетристическое чтение. Об этом мы уже говорили раньше, здесь добавим, что перевод от романов к научной литературе необходим в чистом виде главным образом по отношению к молодежи, которая со всем пылом юности может увлечься легким чтением, забыв о самообразовании. Взрослые рабочие, как показывают опыт, часто сами предпочитают научную книгу беллетристике. Такого рабочего легче приохотить к чтению, дав ему книгу по вопросам производства, по вопросам происхождения мира и человека, по медицине и гигиене, по злободневным политическим вопросам. Такому читателю можно давать беллетристику только серьезную, затрагивающую глубоко жизненные социальные и социально-психологические вопросы.

В общем передвижник должен стремиться приблизиться к тем же нормам выдачи беллетристики и научных книг, которые сейчас устанавливаются для стационарных библиотек. «Нужно сделать иную (чем раньше. — В. Д.) установку: выдачу книг по прикладным знаниям довести до 20%, по социальным знаниям — 20 % книг, взятых для самообразования и пр. из других научных отделов — 30%, по беллетристике и журналов общего характера — 30 %» (Гуров. — XVI Съезд ВКП(б) и задачи библиотечной работы. «Красный библиотекарь», 1930 г. № 9).

Такова должна быть в кратких чертах методика работы библиотекаря в области художественной литературы: агитация за книгу и привлечение читателя посредством интересной беллетристики, борьба за культурную революцию через книгу, оздоровление читательского вкуса, социально-классовое и интернациональное воспитание и пополнение беллетристического влияния точными знаниями о мире и обществе.

Массовая работа с беллетристикой

Для достижения всех этих целей недостаточно одного, хотя бы методически вполне правильного руководства чтением на абонементе. Нужны также более широкие, массовые мероприятия. Самым простым из этих мероприятий являются громкие читки с последующей беседой о прочитанном. Помимо вовлечения новых читателей в библиотеку, громкие читки полезны в том отношении, что показывают начинающему читателю, как разбираться в беллетристике, учат его задумываться над прочитанным и делать известные выводы, сопоставления, обобщения. Темы читок надо брать применительно к самым важным вопросам текущего момента и к наиболее злободневным вопросам жизни данного предприятия. Например, в данный момент, в связи с борьбой за выполнение промфинплана, можно читать книгу очерков Галина — «Переход», «Сильнее любви» — Ильиной, «Стальное серд-

це» Свирского, отрывки из «Цемент» Гладкова, сцену производственного совещания из романа Никифорова «Женщина». В связи с колхозным строительством можно читать Панферова — «Почему в одной коммуне лучше, а в другой хуже», Баратова — «Колхоз «Красная зорька», отрывки из «Брусков» Панферова и «Ледолома» Горбунова. При чтке обязательно присутствие представителя от местной парторганизации и профорганизации и от администрации предприятия, если затрагиваются производственные вопросы.

Для читателей несколько более подготовленных можно использовать такие виды массовой пропаганды беллетристики, как литературные игры, особенно викторины. Здесь только нужно умело разработать вопросы, так как хороших пособий на эту тему не имеется. Вопросы, приведенные в книге Кухарского — «Работа с беллетристикой» и в брошюре Мануйлова — «Литературные игры», рекомендовать не приходится.

Наконец, самым массовым и действительным средством являются литературные вечера, обычно построенные тематически, например, «Новая деревня в изображении художественной литературы», со вступительным словом докладчика, с чтением и художественным рассказыванием отрывков из деревенских романов и рассказов, с художественными номерами, рисующими настроения старой и новой деревни, с выступлениями крестьянских писателей и пр.

Те же литературные вечера, но построенные так, что выступает или подвергается разбору определенная группа писателей или один писатель со своими произведениями, с последующей критикой их со стороны присутствующих, превращаются в вечера рабочей критики. Значение таких вечеров очень велико: они привлекают внимание читателей к современной пролетарской литературе, они выявляют интересы читательской массы, они создают общественное мнение вокруг тех или иных произведений.

Литературные вечера могут иметь также форму диспутов или судов, и это придает им значительное оживление. Не следует только для таких вечеров брать сомнительные или отвергнутые критикой произведения, так как привлечение к ним общественного внимания может создать им популярность и привести к совершенно обратным результатам. Поэтому рекомендуется брать приемлемые в целом произведения (например, Бахметьева — «Преступление Мартына» или Дмитриева — «Дружбу») и устраивать диспуты и суды по поводу уклонов и ошибок отдельных героев.

Относительно всех массовых мероприятий надо иметь в виду, что они должны быть подготовлены работой в абонементе, и результаты их должны быть закреплены также работой в абонементе. Это значит, что, готовя массовое мероприятие с целью привлечь внимание читателей к какому-либо отделу беллетристики, или к какому-либо писателю, или к какому-либо произведению, передвижник должен начать заранее агитацию за это произведение, ознакомить группу читателей с этими произведе-

ниями, подготовить таким образом застрельщиков для начала ирений. Это значит, что по проведении вечера или диспута передвижник должен удовлетворить возникший интерес читателей к тем авторам или произведениям, которые разбирались на вечере, должен беседами с отдельными читателями выяснить, правильно ли они поняли эти произведения, усвоили ли читатели те выводы, к которым пришли рабочие на диспуте или вечере.

Массовая работа с беллетристикой дает очень большие результаты: от руководства чтением отдельных читателей передвижник переходит здесь к руководству чтением всей читательской массы, воздействуя также и на тех, кто не берет книг в передвижке под предлогом, что эти книги не интересны. Но эта работа требует от передвижника большой литературной подготовки и потому должна проводиться под руководством фонда. Однако и во всей работе с беллетристикой от передвижника требуется известная литературная подготовка. Без такой минимальной подготовки передвижник не сможет руководить чтением беллетристики и будет плестись за читателем.

В чем должна заключаться эта подготовка и как ее достигнуть, мы сейчас разберем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как передвижнику знакомиться с художественной литературой

Для того, чтобы правильно вести работу с беллетристикой, передвижнику надо прежде всего самому быть начитанным в этой области.

Особенно важно знать главнейшие произведения современной пролетарской литературы. Такие романы, как «Тихий Дон» Шолохова, «Бруски» Панферова, «Лесозавод» и «Двор» Карагаевой, «Цемент» Гладкова, «Доменная печь» Ляшко, «Разгром» Фадеева, «Чапаев» Фурманова и др., должны быть прочитаны передвижником в первую очередь. Передвижник, который сам не знаком с лучшими произведениями пролетарской литературы, не сможет руководить читателем в нужном направлении, не сможет достаточно убедительно рекомендовать читателю эти книги. Поэтому наш первый совет такой: по прочтении данного урока, составьте себе список лучших и наиболее важных беллетристических книг, отметьте те, которые вами уже прочитаны, и систематически читайте остальные. Выполнив такой первый круг чтения по беллетристике, вы почувствуете себя гораздо сильнее в этой области, гораздо свободнее сможете беседовать с читателем об интересных и полезных для него книгах¹⁾.

Однако этого еще будет недостаточно. Читатель может спросить у вас книги менее значительные, и об этих книгах вы

¹⁾ Передвижники, работающие среди национальностей, должны также ознакомиться с лучшими пролетарскими и революционными писателями литературы данной национальности.

должны также знать, что они собою представляют, для кого они подойдут, для кого не подойдут. Понятно, прочесть все эти книги не под силу ни передвижнику, ни библиотекарю, но ознакомиться с ними все-таки надо. Такое знакомство достигается чтением отзывов о книгах; отзывы эти помещаются в литературно-критических и библиографических журналах. Желательно прежде всего чтение таких журналов, как «Книга — строителям социализма» и «На литературном посту». Они введут передвижника в понимание задач пролетарской литературы и ознакомят с последними литературными новинками в оценке их марксистской критикой.

Весьма полезным для передвижника будет участие в литературных семинариях и рецензентских кружках, организуемых передвижным фондом. Литературный семинарий дает передвижнику понятие о классиках и современной литературе в ее различных течениях и направлениях. В рецензентском кружке передвижник, работая по разбору книг, делая небольшие доклады о новых книгах, будет привыкать самостоятельно составлять отзывы о книгах, производить оценку книг. Поэтому наш совет передвижнику: ни в коем случае не пренебрегать такими семинариями и кружками, если фонд их организует; если фонд их не организует, на общих собраниях передвижников настаивать на необходимости таких семинариев и кружков. В семинарии и кружки при фонде нужно привлечь также наиболее активных и интересующихся читателей.

Если таковых окажется значительное количество (5—10 человек), можно под руководством фонда организовать литературный кружок у себя на передвижке.

Наконец, передвижнику следует прочесть ряд книжек и статей, которые дадут ему необходимые сведения в области литературоведения, критики и истории литературы.

В первую очередь мы рекомендуем следующие статьи и книги:

1. Ленин. — Статьи о Л. Толстом. (Имеются в различных изданиях, в сборниках, например, сборник „Ленин и искусство“, сост. С. Д. Дрейден, М. 1929. Теакинопечат. Стр. 122. Ц. 90 к. см. стр. 49—64).

2. Коган П. — История русской литературы с древнейших времен до наших дней. Изд. 3-е 1930 г. „Молодая Гвардия“. Стр. 270. Ц. 1 р. 50 к.

3. Мишбиц-Веров. — Современная русская литература (обзор в „Справочнике библиотекаря“ под ред. М. А. Смушковой. Гиз. 1930. Стр. 292. Ц. 2 р. 25 к., см. стр. 133—157).

4. Л. Поляк, Э. Коробкова. — Портреты пролетарских поэтов. М. Л. Гиз. 1928. Стр. 102. Ц. 45 к.

5. Саянов В. — Современные литературные группировки. Изд. 2-е доп. Л. „Прибой“. 1930. Стр. 194. Ц. 1 р. 40 к.

6. Выступления Серафимовича, Киршона и Безыменского на XVI Съезде ВКП(б). (Выступления Безыменского собраны в книжке „Слово большевика-напостовца XVI Съезду“. Гиз. 1930. Стр. 32. Ц. 25 к.)

7. Статья Л. С. Мандельштама. — Разбор и оценка беллетристики (в сборнике „Как просматривать и оценивать книгу“ под ред. А. П. Казакевича М. 1930. Изд. Значных курсов политпросветработников при АКВ. Стр. 214. Ц. 1 р. 40 к. См. стр. 69—92).

Статьи Ленина о Толстом дадут передвижнику образец марксистского подхода к литературе; книга Когана может быть

использована передвижником для ознакомления с русской классической литературой XIX века; статья Машбиц-Верова даст общее представление о состоянии современной русской литературы; брошюра Коробковой и Поляк даст общее понятие о лучших современных пролетарских поэтах; книга Саянова введет передвижника в понимание вопроса о литературных направлениях и группировках, о политике партии в области художественной литературы; выступления ряда писателей на XVI Съезде ознакомят передвижника с общественно-политическим значением художественной литературы и введут его в курс споров о творческих путях и методах пролетарской литературы; статья Л. С. Мандельштама явится для передвижника как бы непосредственным дополнением к настоящему уроку и покажет более подробно, как разбирать и оценивать беллетристику, чего мы, говоря о работе с беллетристикой в целом, не смогли здесь сделать достаточно подробно.

Для справок об отдельных писателях наших дней и о группах писателей можно рекомендовать книгу Горбачева — «Современная русская литература». Изд. 2-е. 1929 г. «Прибой».

Наконец, весьма рекомендуется следить за вновь выходящей серией «Массовая критическая библиотека» журнала «На литературном посту» и прорабатывать каждый выпуск этой серии. Пока вышли брошюры: Селивановский А. — «Творческие задачи пролетарской литературы». М. Л. ГИХЛ. 1930, стр. 39. Ц. 20 коп. (очень ценная книжка, доступная притом для библиоактива) и Сурков А. — «Памятка ударнику-рапповцу». М. Л. ГИХЛ. 1930. Стр. 32. Ц. 12 к. (беседа о работе литкружка на предприятии).

КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ № 7

Контрольные вопросы

1. Чем отличается беллетристика от научной литературы?
2. Какая беллетристика нужна в массовой библиотеке?
3. Какое главное требование надо предъявлять к беллетристике, подбираемой для передвижки?
4. Каковы основные цели работы с беллетристикой?
5. Каковы основные методические приемы работы с беллетристикой?

Практическая работа

1. Составьте список наиболее важных беллетристических книг (из русской и иностранной пролетарской литературы), укажите, какие вы читали и что знаете о каждой из них.
2. Дайте по одному примеру на каждую ступень доступности книги (I, II, III, IV) из книг, имеющихся в вашей передвижке.
3. Разберите рассказ Неверова — «Марья-Большевичка» со стороны доступности (для каких групп читателей этот рассказ

понятен), со стороны занимательности (для каких групп читателей и чем он будет особенно интересен), со стороны идеологической (взгляды и стремления какой общественной группы выражает Неверов в этом рассказе) и со стороны социально-воспитательной (для каких целей культурной работы и для работы с какими читателями этот рассказ может быть использован).

Прежде чем разбирать, изложите вкратце содержание рассказа (о чем в нем говорится).

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр

Предисловие	3
Глава I. Общее понятие о беллетристике и ее влиянии на читателя	5—11
Чем отличается беллетристика от научной литературы	
Влияние беллетристики на читателя. Вопросы для повторения	
Глава II. Какая беллетристика нужна в массовой библиотеке-передвижке	11—45
1. Доступность беллетристической книги (язык, слог, построение произведения, степени доступности). Вопросы для повторения	11—14
2. Занимательность. (Развитие действия, как одно из условий занимательности. Романы приключений. Исторические романы. Другие условия занимательности). Вопросы для повторения	15—22
3. Идеологическая выдержанность художественного произведения.	22—43
Что означает требование идеологической выдержанности литературного произведения.	
Художественная литература и классовая борьба	
Современная русская пролетарская литература. „Попутническая“ литература. Реакционная литература	
Переводная беллетристика	
Классики	
Вопросы для повторения	
4. Социально-воспитательная ценность беллетристической книги	43—45
Глава III. Социально-воспитательная работа с беллетристической книгой	45—56
Классовое воспитание	
Интернациональное воспитание	
Беллетристика и ее роль в подготовке кадров	
Борьба за новый быт	
Вопросы для повторения	
Глава IV. Методика руководства чтением беллетристики	56—60
Использование беллетристики в целях привлечения читателей в библиотеку	
Оздоровление читательских вкусов и поднятие интереса на высшую ступень	
Перевод от беллетристики к научной литературе	
Массовая работа с беллетристической книгой	
Заключение	
Как передвижнику ознакомиться с художественной литературой	60—62
Контрольное задание № 7	62—43
Контрольные вопросы	
Практическая работа	

ЗАОЧНЫЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ КУРСЫ ЦИЗПО

Заочные курсы для библиотечного актива являются первой ступенью библиотечного образования. Кроме этих курсов в системе Центрального Института заочного педагогического образования имеются:

II СТУПЕНЬ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Заочный библиотечный ТЕХНИКУМ

В бибтехникум принимаются лица, имеющие познания, примерно, в объеме школы-семилетки или кончившие заочн. курсы бибактива.

Бибтехникум готовит библиотечарей-массовиков для городских и сельских библиотек.

Бибтехникум организован на базе быв. заочных курсов ВЦСПС по переподготовке библиотечных работников профсоюзных библиотек.

В течение своего обучения каждый студент заочного бибтехникума получает около 400 печ. лист. учебных материалов общеобразовательного характера (по 24 предметам) и около 100 печ. листов учебных материалов библиотечного характера.

Руководство учебн. работой студентов заочного бибтехникума сосредоточивается в местных педтехникумах (по месту жительства заочника).

III СТУПЕНЬ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Заочный библиотечный В У З

В бибвуз принимаются лица, имеющие познания, примерно, в объеме рабфака или окончившие заочный бибтехникум.

Бибвуз готовит работников для центральных и научных библиотек и руководителей библиотечного дела.

Бибвуз организован на базе бывш. Заочн. высших библиотечных курсов московского Пединститута.

В течение всего обучения каждый студент заочного бибвуза получает около 500 печ. листов учебных материалов общеобразовательного характера (по 25 предметам) и около 350 печ. листов учебных материалов библиотечного характера.

Руководство учебной работой студентов заочного бибвуза сосредоточивается в местных педвузах (по месту жительства заочника).

————— **Продолжительность обучения в бибтехникуме и в бибвузе по 3 года.** —————

Плата за обучение вносится по четвертям года: по 3 руб. в ЦИЗПО — за учебные материалы и по 2 р. 50 к. в местные педагогические учебные заведения — за учебное руководство.

Отдельные выпуски заочных бибкурсов продаются в ЦИЗПО всем желающим (без записи на заочное обучение).

Подробные сведения о заочном библиотечном образовании и списки всех изданий ЦИЗПО можно получить бесплатно в каждом педвузе и педтехникуме РСФСР и в ЦИЗПО (Москва, ГСП 1, Никольская, 11).

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР—ПРИБОЙ

8

8

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

∞ ∞ ∞ НА 1931 ГОД ∞ ∞ ∞

НА ЖУРНАЛ КУЛЬТСЕКТОРА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛПРОФСОВЕТА И ОБЛНО

„В ПОМОЩЬ ПЕРЕДВИЖНИКУ“

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ. ∞ ∞ ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ

Журнал—единственное издание в СССР, рассчитанное на низового библиотечного работника—передвижника, книгоношу, на библиотечный актив предприятий, жактов, колхозов и т. д.

Журнал ставит своей целью—руководство работой передвижных библиотек ГОРОДА и ДЕРЕВНИ, выявление лучших форм обслуживания массового читателя—рабочего и крестьянина, помощь передвижникам, книгоношам методическими указаниями, рекомендацией основной литературы, обмен опытом и др.

В 1931 г. журнал увеличивает свой размер, дает 6 бесплатных приложений—указатели книг для массового читателя и методические материалы по основным вопросам передвижной работы.

В 1931 г. увеличивается в журнале освещение работы передвижных библиотек городов и областей Советского Союза, наравне с Ленинградской обл.

„В помощь передвижнику“ необходим всем массовым библиотекам, передвижным библиотекам, библиотечному активу города и деревни.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА—на 1 год—5 р., на 6 мес.—2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Ильинка, 3, Периодсектор Книгоцентра, ОГИЗ. Ленинград, пр. 25 Октября, 28, Дом книги, Периодсектор Леногиз'а. Во всех отделениях и магазинах Книгоцентра ОГИЗ'а. Во всех почтово-телеграфных конторах СССР, а также письмочесцами.

**НИ ОДНА ПЕРЕДВИЖНАЯ БИБЛИОТЕКА БЕЗ ЖУРНАЛА
„В ПОМОЩЬ ПЕРЕДВИЖНИКУ“!**